

ДМИТРИЙ ТКАЧЕНКО

16+

150 ЧАСОВ
ДО ВСТРЕЧИ

Дмитрий Ткаченко

150 часов до встречи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57091478

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92387-4

Аннотация

Меня душил родной город, в котором всё казалось чужим. Или, может, это я был изгоем? Мне хотелось найти свое место, но где же оно?

За все семнадцать лет я чувствовал свою значимость только в переписке с девушкой, которая жила на другом краю страны. Расстояние убило наше общение, но я продолжал мечтать о том, что мы с ней увидимся. И, кажется, время пришло.

Бросив всё, я отправился автостопом навстречу судьбе. И чем дальше я уезжал от дома, тем ближе становился к себе.

Содержание

Богородицк: 28 мая, вечер	4
Богородицк: 29 мая, утро	17
Богородицк: 29 мая, вечер	27
Богородицк – Киреевск – Тула: 30 мая, утро	38
Богородицк: 31 мая, вечер	52
Богородицк: 1 июня, утро	62
Богородицк – Епифань: 1 июня, день	70
Кимовск – Рязань: 1 июня, вечер	78
Рязань: 1 июня, вечер	91
Рязань: 2 июня, утро	103
Михайлов: 2 июня, вечер	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Дмитрий Ткаченко

150 часов до встречи

Богородицк: 28 мая, вечер

Говорят, дом человека находится там, куда ему всегда хочется вернуться.

Я ненавижу возвращаться. Значит, у меня нет дома.

Конечно, у меня есть квартира, где я живу с родителями, но... мне всегда казалось, что моё место – не здесь. Сколько себя помню, постоянно хотелось сбежать – куда угодно, лишь бы не оставаться на месте. Поэтому каждый вечер я ухожу на улицу под каким-нибудь предлогом.

Сейчас мама послала меня за батоном. Хлебная палатка находится в трёх минутах ходьбы от дома, а я ушёл ещё два часа назад и до сих пор не вернулся.

Поворачивать не собираюсь. Хотя возвращаться я и ненавижу – всё равно приходится, только я не хожу обратно тем же путём. Лучше сделаю гигантский крюк, обойду весь город кругом, но ни за что не обернусь назад.

Я не знаю, где сейчас нахожусь. Грозовые тучи заволокли небо, нагнетая атмосферу. Вокруг темно, хотя ещё не так поздно – около восьми вечера, наверное. Точно сказать не могу – телефон случайно забыл дома. Впрочем, это даже к

лучшему, иначе бы набралась уже сотня звонков от взволнованной мамы.

Раньше я не был в этой части города – отчуждённой, больше похожей на деревню: за покосившимися заборами с недостающими кольями стоят двухэтажные дома с отвалившейся штукатуркой и ползущими по фундаментам трещинами. Возле каждого дома стоят фонари, но ни один не светит. Туда-сюда носятся неугомонные курицы, в мусорных баках роются полудохлые собаки, выгребая наружу пакеты, которые тут же растаскивают вороны. Из канализации несёт жутким смрадом. Натянув кофту на нос, ускоряю шаг, но вонь просачивается даже сквозь ткань.

Гремит гром. Курицы кудахчут и неумело взлетают, обозначив помётом свои прежние места. Собаки затягивают песню далёких предков.

Я не обращаю внимания на шум, погружённый в собственные мысли. О людях, с которыми я никогда не общался. О разговорах, которые никогда не состоятся. О местах, в которых я никогда не бывал. О мечтах, которые никогда не сбудутся.

Меня отвлекает вспышка молнии и следующий за ней гром. Кажется, пора прекращать шатание и идти домой, только в какую сторону? Ладно, пойду вперёд, пока куда-нибудь не выйду.

Наконец я оказываюсь в знакомом районе, хотя в последний раз гулял здесь совсем давно. Да и вообще, тогда было

светло, а в темноте всё кажется иначе. День и ночь – как зеркальные миры. Ты можешь побывать в одном месте днём, и какие бы воспоминания тебя с ним ни связывали, ночью оно будет совсем другим.

Я вздрагиваю от испуга, когда вижу странную фигуру, но очередная молния освещает чучело из шин, а затем я чуть не ухожу ногой в открытый люк – меня спасает журчание канализации. Всех с детства предупреждают, что ходить в темноте – опасно, ссылаясь на маньяков, убийц и пьяных водителей. А ведь есть угрозы и пореальнее, например, открытый люк: провалишься, и искать тебя будут целую неделю.

Капля дождя падает мне на руку. Ещё две – на нос. Гремит гром, и небо прорывает – начинается сильный дождь.

Бегу по тропинке, которая вскоре размывается и превращается в грязь. Скольжу по мокрой траве, едва удерживая равновесие, чтобы не упасть. Кроссовки смачно хлюпают при каждом шаге, а я продолжаю бежать прямо по лужам, обрызгивая джинсы, лишь бы поскорее где-нибудь спрятаться. Обгоняю людей, идущих под зонтами, проношусь мимо многоэтажек – козырьки над дверьми не спасут от косого ливня.

Но тут я замечаю открытый подъезд.

Я с разбега залетаю внутрь и пытаюсь отдышаться. Вдох-выдох, вдох-выдох, а сердце продолжает побег. Провожу рукой по волосам, выжимая из них влагу. На одежде ни одного сухого места, зато хлеб – в полиэтиленовом пакете, прижа-

тый к пазухе – остался сухим. Правда, уже совсем остыл.

В подъезде холодно – ветер гуляет по всем этажам, воюет со старыми деревянными окнами, заставляя их истошно дребезжать. Ливень, преодолевая предбанник, достаёт почти до первых порожков. Вся лестница – в мокрых следах.

Некоторое время я топчусь на первом этаже, размазывая грязь по площадке, но, быстро заскучав, поднимаюсь вверх.

Я дохожу до самого последнего, пятого, этажа. В этом нет ничего удивительного – в нашем городе выше пятиэтажек домов нет. Но что странно: после пятого лестница ведёт выше, к железной калитке. На ней нацеплен замок, но только для видимости: я легко снимаю его одним движением. Калитка открывается с громким скрежетом, эхом разнёсшимся по всему зданию. Я замираю, с испугом ожидая, пока кто-нибудь выйдет из квартиры и спалит меня за проникновение. Но никого нет.

Быстро раскрываю дверь, прошмыгиваю за неё и прикрываю обратно. Сердце снова в погоне, но уже не от кого-то, а за чем-то – в предвкушении чего-то крутого, интересного.

Здесь нет ни лампочки, ни окна (наверное, поэтому снаружи и не скажешь, что тут есть ещё и «шестой» этаж). Плитка запылена известью, на которой отчётливо виднеются отпечатки моей обуви. Конспирация ни к чёрту. У стены валяются полупустые строительные мешки, доски, вёдра и куча бытового мусора: банки из-под энергетиков, упаковки от чипсов и сухариков, смятые пачки сигарет.

Обхожу шлак стороной и поднимаюсь дальше. Прямо по курсу – тяжёлая дверь, закрытая на замок. Тут уже без обманок. А слева – маленькая, в пять порожков, железная лестница, ведущая к деревянному люку. Он захлопнут, но не заперт, а за ним барабанная дробь из капель, которую изо всех сил старается догнать моё сердце.

Я раскрываю люк, и в лицо бьёт свежий воздух. Он с сильным толчком врывается в мою грудь, наполняя лёгкие, и чувствую в этом глотке всё: и дождь, и грозу, и всю весну в целом.

Дождь сюда не долетает, поэтому я решаю переждать его тут, и через пару минут он кончается – резко, как и начался. Ещё не будучи уверенным в своих действиях до конца, я осторожно взбираюсь через тесный люк, с трудом протягивая руки и ноги, стараясь не выронить батон. И только выбравшись, я выпрямляюсь во весь рост.

Я на крыше.

Солнце уже село, за весь день ни разу так и не показавшись. Улицей завладел вечер, высыпая на тёмное небо белые созвездия-конопушки. Тяжёлые тучи либо полностью себя изрыдали, либо уплыли вместе с ветром. О прошедшем дожде напоминают только лужицы, растёкшиеся по рубероиду, и насыщенный свежестью воздух.

Если мои броджения по городу были паломничеством, то эта крыша станет мне Святой Землёй.

Иду вперёд, стараясь не цепляться за провода, но взгляд

то и дело убегает из-под ног и наслаждается красотой городского пейзажа. На улицах зажглись фонари, в соседних домах загорелись окна, и их свет отражается на мокром асфальте.

Цепляюсь за антенну и чуть не падаю, но сохраняю равновесие, едва не выронив батон. Нужно всё-таки быть внимательным.

Впереди нечто вроде перегородки, обитой железными листами. Я взбираюсь на неё, и она, продавливаясь под моим весом, издаёт жуткий грохот, проносящийся по всему району. Лишь бы никто не поднял на меня голову...

Наконец я дохожу до края крыши и с успокоением на душе смотрю на раскрывающийся вид. Вроде бы нет в улицах нашего города ничего красивого, кроме разбитых дорог и разваливающихся домов. Но после дождя мир кажется совсем другим. Это как после душа: чувствуешь себя свежим, отдохнувшим и непорочным, будто заново родившимся. Так и улица, омываясь, избавляет себя от вездесущих людей.

И тишина. Это не безмолвная тишина, она особенная, как и воздух после этого дождя. Я слышу, как с крыши одна за другой стекают капли, а успокоившийся ветер шуршит листьями деревьев, как где-то вдалеке мчится поезд. И всё-таки это тишина, которая заполняет весь разум.

Я потрясён до глубины души. А подумать только, некоторые люди лишь этим и живут: пока я изо дня в день петляю по безлюдным улочкам, в которых всё прекрасное уже дав-

но сгнило, и всё время смотрю себе под ноги, чтобы не вмазаться в очередную жижу грязи, эти люди с наслаждением созерцают весь город.

С высоты как-то по-другому оцениваешь свою жизнь и свои проблемы. Здесь кажется, что они тебя не достанут.

Но именно на этой почве у меня возникают загоны. Опять начинаю накручивать себя из-за того, сколько всего я упустил в жизни из-за чёртовой замкнутости и стеснительности. Сколько раз я просто боялся с кем-то познакомиться, заговорить или позвать гулять? Сколько раз я боялся просто согласиться, когда меня кто-то звал?

Я хочу сесть на край крыши. Безумно хочу! Но мной опять овладевает нерешительность. Во-первых, это опасно. Во-вторых, после дождя парапет очень мокрый, я легко могу с него соскользнуть.

Вот. Опять.

Только сейчас думал о том, что сам же виноват во всём из-за своих отказов, а теперь снова придумываю никчёмные оправдания. Оправдания для самого себя. «Я не струсил. Просто сейчас не лучшее время». А лучшее время может никогда не наступить.

Преодолевая себя, преодолевая весь страх, сковавший меня изнутри, я сажусь на крышу. Одна нога. Вторая. И всё. Всё! Мои ноги повисают над высотой в шесть этажей, страх отступает, и меня наполняет эйфория. В жизни не испытывал чего-то подобного!

Я сижу в полной прострации минут пять, но вдруг кто-то вторгается в моё личное пространство. От неожиданности я так шарахаюсь, что чуть не сваливаюсь вниз. Видимо, я слишком глубоко зарылся в себе, раз не услышал шаги человека.

Это девушка. Даже не девушка, а девочка, года на три меня младше, одетая в мужскую серую кофту, мешком сидящую на ней из-за большого размера. Она без тени страха садится неподалёку от меня и с невозмутимым видом смотрит на свои болтающиеся ноги, будто не замечая меня. Что она вообще тут делает?

Может, стоит с ней познакомиться и спросить? Вечно я стесняюсь.... Но, блин, мне уже семнадцать лет! Так, может, пора что-то менять?

Ещё минут пять мы сидим в беззвучной тишине, прежде чем я окончательно решаюсь на первый шаг:

– Привет...

Мой голос звучит сипло, еле слышно. Она даже не реагирует. Нужно попытаться ещё раз, но сделать вторую попытку оказывается не легче. Некоторое время я опять собираюсь с силами.

– Привет, – повторяю более громко и настойчиво.

Она поворачивается ко мне лицом, глядит на меня всего секунду и вновь отворачивается. Я совершенно теряюсь. Может, спросить у неё что-нибудь ещё?

– Ты из этого дома?

Помедлив, она качает головой. «Нет».

– Ты здесь в первый раз?

Снова качает. Видимо, не хочет разговаривать.

Мне становится очень неудобно в её компании, но уходить мне всё равно не хочется. Ещё пару минут мы сидим молча, но волшебный эффект после дождя уже испарился, и теперь тишина угнетает.

– Это моя традиция, – внезапно говорит она. – Я прихожу сюда каждый день в девять часов вечера

– Ого, – я больше удивляюсь не тому, что она сказала, а что она вообще заговорила. Но на этом наш диалог и прекращается. Я совершенно без понятия, как раскрыть эту тему.

– Меня зовут Паша, – наконец решаюсь я на знакомство.

– Меня зовут Аня, – холодно отвечает она, отчего мне становится ещё неудобнее. Может, она и вправду не хочет со мной разговаривать? Тогда зачем заговорила?

Я достаю из-за пазухи батон, ломаю горбушку и протягиваю ей:

– Хочешь?

Она медленно поворачивает голову, осторожно, будто трусливый зверёк, берёт кусок батона и аккуратно кладёт его в рот. Сам хочу откусить прямо так, но решил всё-таки тоже надломить. И только сейчас понял, как сильно я проголодался.

– Так ты ходишь сюда каждый день... – задумчиво повторяю я, стараясь разогнать угнетение. – И почему тебе нра-

вится сюда ходить?

– Я люблю одиночество.

– Хм, я тоже.

– Правда?

– Ну...

Я жую новый кусок, чтобы дать себе время подумать.

– Я люблю то одиночество, к которому стремлюсь сам, а не на которое меня обрекают другие.

– Это разные вещи, – сухо проговаривает она, болтая ногами. Интересно, ей страшно? Я здесь хоть и сижу уже полчаса, но всё равно чувствую, как сердце дрожит. И мурашки – явно не от холода. – Ты любишь одиночество, но боишься быть одиноким.

– О-о, – протягиваю я, поразмыслив над её словами. – Ты права...

– Но разве ты можешь стать одиноким? Тебе же легко даётся общение.

– Что? – Я вскидываю брови, смотрю на неё, а она – на звёзды. – Почему ты так решила?

– Со мной ведь ты смог заговорить.

– Это не то... Я... не знаю, как решился с тобой заговорить... В основном я со всеми молчу.

– Как именно?

– В смысле?

– Есть три вида молчания, – говорит Аня. – Первый – когда ты с человеком плохо знаком: вы не можете найти общих

тем для разговора, и поэтому молчите. Второй, наоборот, когда ты с человеком очень близок, и вы понимаете друг друга без слов. Третье – когда вы с человеком были близки, но потом разошлись, и теперь оба боитесь что-то сказать, чтобы не усугубить ситуацию.

Я поражаюсь ходу её мыслей. Вспоминая все ситуации, когда между мной и кем-то затягивалось молчание, осознаю, что каждый раз подходит под первый тип.

– Мне очень сложно открываться перед людьми, – выпаливаю я. – Редко начинаю разговор первым и могу поддерживать диалог, потому что... стесняюсь сказать что-то не так. Боюсь изначально создать о себе плохое впечатление, и поэтому молчу... Да и трудно раскрываться перед людьми, к которым нет доверия. А я вообще мало людям доверяю. Часто бывало, что меня звали на встречу, на которую сами не приходили – лишь бы посмеяться. Даже в детстве, бывало, когда с кем-то гулял, они сговаривались между собой и сбегали от меня... И, рассказывая что-то о себе, я боюсь, что они будут обсуждать это с другими и смеяться надо мной... Откровенность наказуема...

– Но ты сам себя наказываешь, вгоняя себя в рамки, – перечит Аня. – Тебе нужно перестать прятаться. Перестать стесняться или бояться мнения со стороны. Нужно быть проще – быть собой.

– Но... это сложно, – возражаю я. – Сложно быть собой, когда сам не знаешь – какой ты есть на самом деле. Я посто-

янно сам себе противоречу: ненавижу людей, поэтому люблю поздними вечерами сбегать из дома в заброшенные районы города, чтобы побыть в одиночестве, но и ненавижу одиночество, поэтому всё время пытаюсь с кем-то познакомиться и завязать общение. Только, опять же, я не способен на общение, потому что хочу быть в одиночестве. А от одиночества я бегу... Понимаешь? Я – нет.

– Мне кажется... Это абсолютно нормально. И свойственно многим людям. Ни один человек не может постоянно находиться в социуме. Он срывается, создает конфликты, сбегает, прячется. Удаляется из соцсетей, не выходит из дома. Но ни один человек не может постоянно находиться вне социума. И наша цель – найти золотую середину. А золотая середина достигается путем взаимопонимания: «Тебе нужно побыть одному? Я пойму», «Мне нужно побыть рядом? Хорошо».

Эти слова меня ранят. Больно становится от того, что она мне раскрыла самого себя. Я будто всю жизнь ходил по тёмной комнате, жалуясь на темноту, а Аня подняла мою голову к потолку, и глаза защищали от такого яркого света. Мне становится больно, но и от этого же приятно.

– Пора уходить, – неизменным тоном говорит Аня, перебрасывая ноги на крышу.

– Да, – шепчу я, всё ещё пребывая в некотором шоке от нашей беседы.

Я прячу полусъеденный батон в пакет и иду за Аней. Мы

молча доходим до люка, молча спускаемся вниз, молча выходим из подъезда. Всё это время молчит и моя голова, будто все мысли остались на крыше. Выйдя на улицу, мы оста-навливаемся напротив друг друга.

– Может, тебя проводить? Темно же.

Качает головой.

Конечно, мне самому хочется поскорее добраться до дома, но... мне не хочется расставаться с Аней. Хочется говорить с ней всю ночь, о чём-то рассуждать, делиться своими мыслями. Надеюсь, у нас ещё будет время.

Я тяжело вздыхаю.

– Ну что, тогда пока?

Она делает короткий кивок и уходит обратно.

Всю дорогу домой я думаю то об Ане, то о разговорах с ней. Почему она так странно себя вела? То молчала, то чуть ли не философски рассуждала?

Она сказала, что приходит на крышу каждый день в девять часов. Значит, завтра мне с ней обязательно нужно встретиться.

Я неохотно захожу в квартиру.

– Наконец-то! – раздаётся голос мамы. – Ты за хлебом в Узловую ходил, что ли?

Она начинает верещать о забытом телефоне и промокших кроссах, а я вновь наполняюсь ненавистью к этому дому.

Богородицк: 29 мая, утро

Больше всего на свете я ненавижу нашу школу за то, что даже в последний день учебного года нам ставят уроки. Единственный плюс в том, что их хотя бы сокращают. Хотя некоторые и вовсе приходят лишь на классный час, чтобы проставить итоговые оценки.

Биологичка рассказывает новую тему, но все заняты своими делами. Большинство спит, кто-то даже тихо посапывает. Я рисую на полях тетрадки и думаю об Ане. Когда хлопает дверь, все как один оборачиваются назад. В кабинет входят физручка и завуч с кипой грамот. Сейчас будут награждать победителей в соревнованиях на Дне здоровья.

Я в соревнованиях не участвовал, но, как редактору школьной газеты, мне пришлось четыре часа проторчать в долбаном спортзале, который насквозь провонял ядрёным запахом пота, от которого у меня потом весь день слезились глаза. После этого я должен был напечатать статью, но, блин, у меня как бы конец учебного года, а оценки хуже, чем хотелось бы, так что, ясен пень, что на статью я решил забить.

Проходя мимо, физручка наклоняется над нашей партой.

– После этого урока идём в столовую на чаепитие, – говорит она не мне, а Егору, моему соседу по парте, который участвовал в этих соревнованиях. Ну, норм. Он всего полчаса поделал какие-то упражнения и теперь пойдёт пировать,

а сколько бы я там не проторчал и сколько бы мне ещё не пришлось проколупаться с этой статьёй, в итоге я не получу ни-че-го.

Егор кивает, и физручка возвращается на место. Через пару секунд она вновь наклоняется над партой, на этот раз обращаясь ко мне:

– Паш, ты статью сделал? – её голос строгий, как и всегда, когда она говорит со мной.

– Она у меня дома, на флэшке, – вру я. Конечно, я не собирался ей говорить, что даже не начинал её писать.

– Нам эту статью нужно уже сегодня распечатать.

– Ну, после уроков занесу.

Она ничего не говорит и отходит назад. Поздравив всех участников соревнований, они с завучем уходят.

После биологии у нас классный час, на котором нам должны выставлять оценки. Классуха наша, пожалуй, самая вредная училка в школе. Однажды она мне влепила две двойки по алгебре за то, что я ушёл пораньше с какого-то мероприятия. Я просидел в зале три часа, и мне было там так душно, что я чуть не потерял сознание, но для неё это не было причиной отпустить меня домой. Правда, в некоторых ситуациях она всё же бывает снисходительной.

Я подхожу к ней и вежливо отпрашиваюсь с классного часа, объяснив причину. Она просит у меня дневник и отпускает. Вот бы и с других уроков так же уходить. А то от этой работы редактором вообще никаких плюшек, все могут только

критиковать.

Прямым из кабинета бегу на выход – сегодня на улице уже тепло, почти что летняя погода, поэтому в школу я пришёл без верхней одежды и сменной обуви.

Зайдя в квартиру, сразу включаю комп. Загрузка идёт очень медленно, и я за это время успеваю снять с себя дебилскую школьную форму. Открываю Word, и внезапно всё зависает. В этот момент в комнату заходит мама.

– Не успел прийти, как уже за компьютер сел, – сетует она.

– Мне статью срочно написать нужно, – огрызаюсь я, продолжая бессмысленно щёлкать мышкой.

– Покажи, какие оценки за год.

– Их ещё не выставили, я шас в школу опять пойду.

Она выходит, и тут как раз открывается Word.

А о чём писать? Я бегаю по всей комнате, ища блокнот с заметками со Дня здоровья. Спустя минут пять наконец-то нахожу и начинаю переписывать корявые записи, прибавляя что-то из памяти. В итоге всё равно получается какая-то фигня, но кому это вообще нужно?

Скидываю файл на флэшку и бегу в школу. Спрашиваю у вахтёрши, какой идёт урок – четвёртый. Значит, классный час уже закончился, и, если после него никого не отпустили, сейчас у нас история.

Пока поднимаюсь на третий этаж, звенит звонок. Из кабинета выходят мои одноклассники.

– Паш, сумку свою возьми, – кричит мне Егор. – Я днев-

ник твой туда положил.

Смотреть оценки мне некогда, поэтому бегу на физику, кидаю сумку на заднюю парту, а сам иду в учительскую. И как раз натыкаюсь на физручку.

– Ты мне статью когда принесёшь? – вновь спрашивает она. Кажись, у кого-то склероз.

– Да принёс уже, – отвечаю несколько грубо.

– Ну, пойдём тогда, ты мне её на ноутбук скинешь. Или у тебя сейчас урок?

– Электив.

Она машет рукой, мол, это неважно, и ведёт меня в спортзал. Я сбрасываю файл ей на ноут и уже хочу смыться, но она меня останавливает.

– Подожди, дай прочитаю. Вдруг что-нибудь отредактировать нужно.

Я начинаю беситься, от всей этой беготни уже болит голова.

Она критикует каждый мой абзац, и мне приходится править всю статью по её наводкам. После всех мозговывносящих правок в такт интенсивным от гнева ударам по клавишам у меня дёргается глаз, а она ворчит:

– Нужно фотографий ещё добавить. Пошли к Марии Николаевне, посмотрим, что у неё есть. Только ты сначала это сохрани и мне сбрось.

Сохраняю файл и отправляю на рабочий стол. Вытащив флэшку, вместе с физручкой иду в учительскую.

На месте они начинают о чём-то ворчать. Потом физручка уходит, а завуч распечатывает заново один из репортажей, что она мне давала. Я перечитываю его уже в двадцатый раз, пытаюсь зацепиться за что-нибудь стоящее, но всё слишком сухо.

Вскоре возвращается физручка в ещё более рассерженном состоянии.

– Паш, ты мне ничего не скинул! Там старый вариант остался!

Да твою же мать, ты от меня отвалишь сегодня или нет?!

Я рычу про себя и иду в спортзал, но там, чёрт возьми, закрыто. Нельзя было сразу об этом сказать?

Опять иду к ней. Она разговаривает в коридоре с какой-то училкой. Придётся ждать, пока наговорятся. Я в это время обдумываю про себя всю эту ситуацию и злюсь ещё сильнее. Не думал, что этот день будет настолько хреновым.

Вдруг в коридор выходит наша физичка.

– О, Паш, у тебя телефона Стёпы нет? – кричит она и смотрит на меня. Блин, ко мне ведь обратилась. Что-то совсем загрузился.

– Нет.

– Оль, а у тебя урок кончился, что ли? – спрашивает её физручка.

– Да, я их отпустила.

Отпустила. Норм. У всех моих одноклассников уже начались каникулы, а я до сих пор торчу в этой школе. Век бы

её не видеть!

– Иди тогда вещи свои заberi, – говорит мне физручка. – И вот ключ от спортзала, не забудь закрыть.

Я возвращаюсь в кабинет физики, беру портфель, поднимаюсь в спортзал, захожу в тренерскую. Открываю файл с флэшки, а он в своём первоначальном виде. Открываю документ с рабочего стола – тоже. Вот же чёрт! Как так вообще получилось?

Набираю весь текст и правки по памяти. Надеюсь, ничего не заметит.

Закрываю кабинет, возвращаюсь в учительскую. Завуч показывает физручке фотки со Дня здоровья, предлагая довольно хорошие кадры, но физручка их все отклоняет.

– Ай, и этих хватит, – и вновь машет рукой. – Паш, вот пара фоток, ты себе скачай, а потом на мой ноут скинешь.

Да сколько же можно?!!

Я чувствую, как медленно превращаюсь в Халка. Только не в зелёного, а в красного, от ярости. Глаза уже покраснели и защипали, словно я нанюхался перца.

Вернувшись в спортзал, сбрасываю на ноут новую версию и возвращаюсь в учительскую.

– Чего ты торт-то брать не хочешь? – спрашивает Мария Николаевна у физручки.

– У меня диабет, у мужа тоже проблемы с желудком, куда мне его девать?

– Отдай ученикам своим. Пускай в столовой ещё раз чай

попыют.

Мне даже кусочка никто не предложил. Не заслужил. Блин, так бесит, что руки трясутся. Ну-ну, фиг они дождутся от меня следующего выпуска школьной газеты.

– Всё сделал? – обращает на меня внимание физручка.

– Да, – отрезаю я и сую ей ключи. Ухожу прежде чем она успевает меня завалить чем-нибудь ещё.

Выхожу из школы и ощущаю свободу. Кожей ощущаю, такую лёгкую и нежную. Жаль, что продлится она всего три месяца, а потом опять в эту чёртову школу. Прохладный, но приятный свежий ветер вздымает полы расстёгнутой ветровки, словно крылья. Насладившись этим нереальным ощущением воли, я застёгиваюсь, спускаюсь по порожкам и направляюсь домой.

Из школьной палатки выходит Королёв, мой одноклассник, и устремляется вперёд. Так, нужно к нему подойти. Я сам не особо уверен в своих действиях, но эта ситуация со статьёй меня так взбесила, что мне срочно нужен антидепрессант.

Вообще я пытаюсь к нему подойти уже целую неделю, но стесняюсь. Сегодня бояться нельзя. Последний шанс всё-таки. Подбегаю к нему и, не сбавляя шага, спрашиваю на одном дыхании:

– Слушай, ты ж мне друг, да? – парадирую его фразу, с которой он обращается ко мне каждый раз, когда хочет написать. – Дай сижку.

– Ты куришь? – спрашивает он, до предела изгибая бровь.

Я не курю. Раньше иногда бывало, но зависимостью не стало. Просто... в моменты душевной тяжести, когда всё становится таким хмурым, и кажется, что жизнь идёт под откос, а вместе с ней и весь мир катится к чертям, тогда я нахожу спасение в сигарете. Мне хватает всего пары затяжек, чтобы успокоиться. Когда вижу дым, вытекающий изо рта, мне кажется, что это из меня выходит все дурные мысли. И это реально помогает.

– Можно без этих вопросов? – я вновь начинаю сердиться, но пытаюсь дышать ровно.

Королёв изгибает и вторую бровь, но всё же достаёт из портфеля пачку незнакомой марки и протягивает мне одну сигарету.

– Может, за школу пойдём?

– И без этого тоже, – отчеканиваю я и, даже не поблагодарив, прячу сигарету в карман.

Королёв сворачивает, а я ускоряю темп, словно боюсь, что он пойдёт за мной следить.

Всю дорогу до дома я обдумываю новую встречу с Аней. Мысленно составляю план нашего разговора. Хочу сразу придумать несколько тем, чтобы потом опять не было такого жуткого молчания. Интересно, она как-нибудь среагирует, когда я перед ней закурю? Вчера я наболтал о себе слишком многого, выставив себя отбросом общества. Нужно показать, что на самом деле я не так уж и сильно отличаюсь от

своих сверстников.

Вернувшись домой, сразу иду на кухню. Мама как раз готовит обед.

– Ну что, теперь оценки принёс? – спрашивает она, разливая борщ по тарелкам.

– Вроде да, – отвечаю я. До сих пор ведь даже не посмотрел, что и как там.

– Показывай тогда.

Я возвращаюсь за дневником, отдаю ей.

– Шесть четвёрок! – начинает вопить она. – Ты совсем скатился?! Девятый класс ведь с аттестатом отличия закончил!

– Мам, я сто раз говорил, что у нас учителя новые, оценки занижают.

– И что, у вас теперь совсем без отличников класс будет?

– Ну, любимчики же остались.

– А я надеялась, ты школу с золотой медалью закончишь, – вздыхает она.

Я ничего не отвечаю, хотя внутри опять начинаю злиться. Сколько раз ей говорил, как нам оценки занижают, как мне классуха двойки из-за того случая поставила – ей всё равно. Лишь бы были хорошие оценки, а какой ценой – её не волнует.

Я быстро ем суп и иду к себе в комнату, опять включаю комп, захожу в ВК. За полдня пришло только одно сообщение, от Полины, моей подруги из Тулы: «Привет, Паш. Не

хочешь со мной завтра в кино сходить? А то одной скучно, а все другие заняты». У меня на завтра планов никаких нет. Конечно, мои одноклассники будут отмечать окончание года, но меня никто даже не приглашал. В этом городе у меня нет друзей. Здесь меня ни что не держит. Поэтому я сразу соглашаюсь.

В комнату заходит мама и начинает ворчать:

– Ну, и что это за свинарник у тебя в комнате? Хоть бы прибрался!

Господи, что в школе, что дома – везде достанут.

Я закатываю глаза.

– Бабушка на вахту уже уехала?

– Вчера ещё.

– Ну, тогда я сегодня к ней.

– Опять на полдня? – недовольно спрашивает мама.

– Нет. С ночёвкой.

– Тебе что, дома спать не нравится? А что же ты там есть будешь? Я на два дома готовить не собираюсь!

– Да сам разберусь, отстань уже от меня!

Мама уходит. Видимо обиделась. Плевать. Я столько нервов себе сегодня потрепал, что мне уже нужна не одна сигарета, а целая пачка.

Богородицк: 29 мая, вечер

После школьной беготни мне совершенно ничего не хочется делать. Меня охватывает жуткая лень, поэтому рюкзак с вещами я собираю только к вечеру. Несмотря на то, что мама всё время угрожает, мол, либо иди сейчас, пока не стемнело, либо оставайся дома, она всё равно отпускает меня и даже даёт мне на тормазок жареные пельмешки.

Окончательно собравшись, я прощаюсь с родаками и выхожу на улицу.

В лицо дует прохладный, но очень приятный ветер. Небо пылает алым закатом, а у облаков подсвечивается золотое дно. На улице так хорошо, что сразу идти к бабушке не хочется. До встречи с Аней есть ещё часа полтора, поэтому я решаю прогуляться.

По дороге обдумываю планы на каникулы. Уже через два дня начнётся лето, а это хороший повод что-нибудь поменять в своей жизни. Последние годы у меня вышли очень унылыми. Всё своё время я провожу только в школе и дома, потому что гулять мне не с кем. Хотя и одному мне тоже хорошо. Я могу бродить по безлюдным улицам, гулять по железной дороге и лазать по заброшкам, не боясь, что кто-то будет меня критиковать и называть мои пристрастия странностями.

И всё-таки мне бы хочется найти себе друга. Такого, с ко-

торым можно пойти куда и когда угодно и с которым можно поговорить на любую тему. Не знаю, удастся ли мне найти такого человека, но на этих каникулах я обязан познакомиться хоть с кем-нибудь.

Внутри меня рождается какое-то радостное чувство. Я ещё не сделал ничего из того, что вообразил себе, но на душе уже тепло, и мне хочется закричать во всё горло. Пусть люди подумают, что я какой-то придурок, мне от этого станет ещё веселее. Но, конечно, я этого не делаю. Я слишком стеснительный для такого. На каникулах придётся с этим бороться, но пока что я просто хочу погулять.

Побродив полчаса по тёмным улочкам, я поворачиваю в сторону бабушкиного дома.

Проходит всего полчаса с того момента, как я пересёк порог квартиры, а мне вновь хочется на улицу. Горячий чай со странным, но довольно приятным вкусом, греет замёрзшие руки. Ноутбук уже несколько минут стоит на столе без действия и вот-вот погрузится в спящий режим. Я хотел посмотреть какой-нибудь фильм, но настроения для этого вообще никакого. Сажу и тупо пялюсь на часы. Чтобы успеть на крышу к девяти, мне нужно выходить только через полчаса.

Я тяну время до последнего, а потом начинаю бегом собираться. Накидываю куртку, беру спички и выбегаю на улицу. Выйдя к дороге, непроизвольно быю себя по лицу. Пожар-

ка! Баннер! Магазин вдалеке! Я же проходил мимо бабушкиного дома и даже не понял этого! Ух, ладно, не хочу загоняться из-за такого пустяка. От этих каникул я рассчитываю получить только самые крутые моменты в памяти, а не такие отстойные.

Я быстрыми шагами направляюсь к вчерашнему дому. Как ни странно, дверь в подъезд всё также открыта. Неужели не нашлась ещё ни одна бабка, которая облаяла бы всех жильцов за гуляющий сквозняк?

Поднявшись на шестой этаж, смотрю на время. Уже 21:10. Чёрт, всё-таки опоздал! Хотя с Аней мы о встрече вообще не договаривались, поэтому я ни в чём не виноват. Но внутри всё равно что-то гложет. Я ненавижу опаздывать, ведь время, упущенное на ожидание, мы могли бы провести вместе.

Залезаю на крышу и иду к вчерашнему месту. Вот и она... Сидит, беззаботно болтая ногами, будто и не находится на грани смерти. Аккуратно подхожу к ней и тихо, чтобы не напугать, говорю робкое «привет». Но разве её возможно напугать? Так и сидит, не повернувшись, не ответив, и думает о чём-то своём.

Присаживаюсь рядом, всё также с опаской. Ощущение того, что одно лишнее движение может лишить меня жизни, пугает до сих пор. Так почему же всё равно сюда залез? Я не понимаю, с какой целью люди рискуют жизнями, если это не приносит ничего, кроме страха? Впрочем, я никогда себя не понимал.

– Не думала, что ты вернёшься, – говорит она бесцветным тоном, и я вновь не понимаю, рада ли она моему присутствию или нет.

– Я подумал, что мне тоже нужны какие-то традиции...

Мы опять молчим. В голове крутится сотня заготовленных тем, но я никак не решаюсь начать разговор. Моё стеснение сковывает мой язык, и как бы я не хотел от него избавиться, мне это не удаётся. Разнервничавшись, я копошусь в карманах и вдруг натываюсь на забытую сигарету. Она оказывается сильно помятой и слегка надломленной у самого края, а половина табака рассыпалась у меня в кармане. Я неумело вставляю её между губ и уже потягиваюсь за спичками, как вдруг поднимается Аня.

– Эй, ты куда?

– Ты куришь, – отвечает она, не оборачиваясь. – Ты плохой.

– Да подожди! – отчаянно выкрикиваю я, да так громко, что мой голос эхом размножается по всему району. – Я не курю на самом деле.

На миг она останавливается и неохотно оборачивается. На её лице уже привычное безразличие, но в чёрных глазах я замечаю какое-то сомнение. Ещё некоторое время она обдумывает своё решение, а я выкидываю сигарету.

– У меня сегодня день тяжёлый выдался, – пытаюсь оправдаться, потому что самому за себя стыдно. – А ещё каникулы начались, вот и решил отпраздновать свободу.

– Как можно праздновать свободу, сковывая себя вредными привычками? – её вопрос звучит монотонно, будто она не спрашивает, а задаёт тему для обсуждения.

– Ну, вообще у меня нет привычек. Ни хороших, ни плохих. Я просто не умею привыкать.

Она замолкает, а я впервые чувствую в себе... какую-то энергию для общения.

– И почему ты решила, что курят только плохие люди? Это глупый стереотип.

– Все стереотипы глупые, – она прикусывают губу, видимо, осознав собственную противоречивость.

– На самом деле я хотел произвести на тебя впечатление, – смущённо признаюсь я, когда Аня снова садится рядом.

– Зачем? – отрицает она меня. – Ведь мы только вчера говорили, что нужно быть собой!

– Я знаю, но... это само собой выходит.

– А ты говорил, что у тебя нет привычек.

Я пожимаю плечами.

– Да, это и вправду стало привычкой – врать людям. Выдавать чужие жизни за свои или придумывать собственные интересные события. Иногда я даже пошу фотографиям мест, в которых никогда не бывал, и рассказы о друзьях, которых никогда не имел. Мне кажется, что если люди будут думать, будто со мной кто-то общается, значит, я не изгой, а интересный пацан, и они тоже начнут проявлять ко мне интерес. Но всё это бессмысленно...

Солнце плавно уходит за горизонт, утягивая за собой весь свет. С противоположной стороны подтягивается сапфировая ночь.

– Конечно, иногда я всё-таки показываю то, что у меня на самом деле творится на душе и в жизни, – продолжаю я, – но только частично. Я просто боюсь раскрыться перед кем-то полностью. Моя жизнь как мозаика – каждому даю по пазлу, чтобы они имели хоть какое-то представление обо мне, но не могли узнать меня полностью. А чтобы у них не получилось собрать картину целиком, я путаю свою мозаику с чужими пазлами. Так меня никто не узнает полностью. Только я и сам в себе уже запутался...

– Ты не станешь счастливым, если будешь проживать вымышленную жизнь, чуждую тебе. И перестань думать за других. Это тебе может казаться, что с тобой что-то не так, а других людей это наоборот зацепит. Или же, наоборот, захочешь впечатлить человека, а на самом деле его отвергнешь – как с курением. Не нужно зацикливаться на чужом мнении. Делай только то, что тебе хочется...

Я оборачиваюсь к Ане и внимательно рассматриваю её лицо – совсем детское, из-за капюшона, скрывающего кудрявые каштановые пряди сразу и не поймёшь, что это девочка. Она кажется наивной и очень хрупкой, но её глаза – словно от другого человека, много повидавшего за свои годы.

– Какая у тебя жизненная цель?

– Я... я не знаю, – вопрос очень неожиданный, поэтому

я теряюсь. Конечно, я часто об этом задумывался, но сейчас получается также, как когда у тебя спрашивают про любимую книжку, и ты моментально забываешь, что вообще когда-либо читал. – Мне кажется... Моя цель – просто не прожить впустую. Чтобы даже после смерти от меня что-то осталось...

– Что ж, – произносит она таким тоном, будто пробует оценить на вкус какое-то блюдо. – Достойная цель. Большинство людей желают получить образование, найти работу и построить семью.

– Никогда не понимал таких, – качаю головой. – Шаблон скучной жизни.

Она молчит, но в этой тишине я различаю её согласие.

– А... какая твоя цель? – осторожно интересуюсь я, будто пытаюсь вывести нечто заветное.

– Я хочу, чтобы все люди были счастливы. Хочу помогать бездомным, сиротам, инвалидам, да и просто несчастным людям. Осуществлять их мечты. Вот о чём ты мечтаешь?

– Да о разном... Но вообще мне хотелось бы съездить в Новосибирск.

– Там красиво?

– Наверное... Я самым городом особо не интересовался. Просто там живёт один очень дорогой мне человек.

– Кто-то из родных?

– Нет, – я тяжело вздыхаю, как и каждый раз, когда вспоминаю о ней. – Это очень глупая история.

– Не хочешь рассказывать?

Хочу. Очень хочу, потому что сил уже нет хранить в себе это столько лет. Но я боюсь, как онаотреагирует. Я поднимаю глаза к небу, пытаюсь найти ответ среди проявляющихся звёзд. Я тяжело вздыхаю в тон прохладному ветру и начинаю говорить:

– Дело в том, что три года назад я случайно познакомился с одной девушкой по интернету. Мы с ней сразу нашли много общего, поэтому общение между нами не угасало. Мы переписывались почти круглосуточно, делились всем, что происходит у нас в жизни, и... в один момент я понял, что влюбился в неё.

– Ты ведь не знал её на самом деле...

– Да... Она так же сказала, когда я ей признался, – качаю головой, не одобряя это утверждение. – И после этого наше общение стало затихать. Я чувствовал себя преданным. Во всех смыслах. Я также думал о ней каждый день, но мне казалось, что она больше не хочет со мной общаться. В конце концов, я решил разобраться в наших отношениях. В итоге мы с ней очень сильно поссорились, и она удалила свою страницу. С тех пор я о ней совершенно ничего не знаю.

– Вы оба сделали свой выбор, так зачем хочешь её увидеть?

– Просто... я по ней скучаю.

Впервые я порадовался тому, что Аня на меня даже не смотрит. Не смотрит, как я всё-таки заплакал. Огни фонарей

и свет в окнах соседних домов расплылись в расфокусе, и в этой нечёткой картине я увидел образ девушки, которую никогда не забуду.

– И в чём же проблема?

– В каком смысле? – от её вопроса я резко останавливаю своё нытьё.

– Ты ведь легко можешь к ней приехать.

– Ну, это долго, – отвечаю слегка гнусаво, потому что сопели забили нос. – И дорого всё-таки.

– Ты можешь отправиться к ней автостопом. У тебя сейчас каникулы, ты легко успеешь. От Богородицка до Новосибирска около трёх с половиной тысяч километров. Со средней скоростью автомобиля без остановок это расстояние можно преодолеть приблизительно за пятьдесят часов. Примерно столько же уйдёт на ночёвки и остановки. И чтобы это путешествие не превратилось в безынтересное кочевание, на прогулки и отдых можно добавить ещё пару суток. Итого у тебя уйдёт примерно сто пятьдесят часов.

– А как же обратно?

– Точно также. Можно другой дорогой, чтобы было интереснее.

– То есть, всего триста часов. Это... – пытаюсь сосчитать в уме, – почти две недели.

– Вот видишь? Можешь отправляться хоть завтра.

– Не, завтра я еду в Тулу, меня подруга в кино пригласила, – я произнёс это каким-то гордым тоном, как будто тут

есть чем хвастаться.

– Езжай автостопом в Тулу, – говорит Аня. – Будет тебе тренировка.

Я пару минут размышляю над её предложением. Раньше я даже не думал о том, что могу реально поехать в Новосибирск и встретиться с любимым человеком, но теперь, когда мечта кажется такой близкой и возможной, я задумываюсь – а нужно ли мне это на самом деле?

– Мне уже не хочется этого...

– Почему?

– Потому что я встретил тебя.

Эти слова неосознанно слетают с моих губ и повисают в воздухе. Чёрт, я настолько открыто расположился к Ане и даже не подумал, что мысли на её счёт стоит придержать при себе.

– Не стоит отказываться от мечты ради незнакомой девушки, – с лёгким укором отвечает она.

– Мы же уже второй день знакомы, – невнятно произношу я.

– Нет. Ты меня совершенно не знаешь. Мне пора.

Она безо всякой опаски лёгкими движениями соскальзывает на крышу и идёт в сторону люка. Я слезаю несколько дольше, но быстро её догоняю. Мы по очереди спускаемся по лестнице и в той же тишине, что и вчера, проходим до двери. Всё это время мне кажется, что атмосфера вокруг нас как-то натягивается. Возникает ощущение, что она отчего-то за-

грустила, и, когда мы выходим на улицу, я замечаю, что она действительно нахмурилась. Не эту эмоцию я хотел бы видеть на её лице первой.

– Какой из своих пазлов ты показал мне? – спрашивает Аня.

– Мне кажется, я показал тебе всю мозаику целиком, – признаюсь я. – И ты помогла мне её собрать.

Она лишь кивает.

– Надеюсь, у тебя всё получится, – говорит Аня и уходит прежде, чем я успеваю ей ответить.

Богородицк – Киреевск – Тула: 30 мая, утро

Просыпаюсь с первым звонком будильника, но мозг, словно окутанный туманной пеленой, включаться не торопится, и я продолжаю валяться. Вскоре телефон замолкает, и только я вырубаясь, вновь звучит эта надоедливая трель.

Неохотно поднимаюсь с постели. Голова гудит жутко. Перед сном думал, что в предвкушении поездки вскочу вместе с солнцем, теперь готов продрыхнуть хоть до обеда.

Полина сказала, что сеанс начинается в 16:00, но встретиться мы должны в три, чтобы успеть снять бронь. На автобусе до Тулы можно доехать за полтора часа, но я ещё серьёзно рассматриваю способ попробовать автостоп. Думаю, лучше приехать пораньше, чем опоздать, значит, стоит быстрее собираться.

Пока скворчит яичница, я быстро мою голову. Позавтракав, иду собирать вещи. Меня всё ещё сковывает лень (всё-таки, у меня начались каникулы, а я всё равно поднялся в такую рань), поэтому я не особо тороплюсь, но, собравшись с силами, выхожу на улицу.

В принципе, для автостопа погода хорошая, лето ощущается всеми пятью чувствами. Долго не мешкая, иду в сторону выезда из города. Где-то через час я оказываюсь рядом

со знаком «Богородицк», перечёркнутым красной полосой. Всего один шаг – и всё, прощай город.

Но начинать стопить тут я стесняюсь. Эта территория ещё считается жилым районом, и кто-нибудь из знакомых вполне может пройти мимо, поэтому я решаю подняться дальше.

По дороге мне звонит мама:

– Проснулся уже?

– Ну, да, – отвечаю ей, прикрывая микрофон рукой, чтобы не было слышно звук проезжающих машин.

– Домой когда собираешься?

– А что такое?

– Ну, мне помощь твоя нужна.

– А без меня совсем никак? Я ещё отдохнуть хотел.

– На каникулах отдохнёшь, а сейчас давай домой.

– У меня и так каникулы уже, первый день, так что дай погулять.

– Ну-ну.

И она бросает трубку. Любит, конечно, заводить истерику на пустом месте.

Во время разговора успеваю отойти уже на достаточное расстояние. Я несмело вытягиваю руку, будто боясь, что на неё кто-то накинется, и жду машин. Одна проезжает мимо. Вторая тоже. И третья. Рука затекает, и я решаю поднимать её только тогда, когда машина уже близко. Четвёртая, пятая, шестая. Ладонь начинает мёрзнуть. Сжимаю в кулак, вытягивая большой палец. Седьмая, восьмая, девятая. Маши-

ны проезжают очень редко, на противоположной полосе и то больше. Неужели каким-то идиотам интереснее в Богородицке, чем в Туле?

Я стою больше часа. Сколько машин проехало мимо – не знаю, уже сбился со счёта, но явно не меньше сотни. Не, ну какой же я идиот! Как я вообще мог решиться на эту дебильную затею? Ясен хрен, что никто подвозить меня не будет.

Но идти на автостанцию я не хочу. Я слишком долго отстоял, чтобы уйти ни с чем.

Когда идёт уже второй час, я понимаю, что могу опоздать. Даже если я всё-таки побегу сейчас на автак... Я буду идти туда где-то час, а времени почти не осталось. Нет, лучше стоять до последнего. Если вообще никто не заберёт... Что ж, позвоню Полине и объясню, что не смогу. И лишусь, пожалуй, единственного человека, который меня когда-либо звал в кино.

Проходит ещё минут двадцать. Мимо меня проезжает шестёрка, замедляющая ход. Моё сердце сжимается. Через несколько метров она останавливается, завернув на обочину. Несусь к ней, открываю пассажирскую дверь.

– Подбросите? – выпаливаю я, даже забыв поздороваться.

– Садись давай, – кивает мне водитель – мужик сорока лет с седыми усами.

Я неуклюже заваливаюсь в салон и сразу пристёгиваю ремень.

– Вы ведь в сторону Тулы? – немножко запоздало задаю

вопрос, когда мужик уже трогается с места.

– Не, я до Киреевска.

Вашу мать, какой Киреевск? Это вообще где? Блин, и чё теперь делать? Попросить, чтоб он меня обратно выкинул и стоять ещё два часа?

Я быстро достаю телефон и вбиваю Киреевск в навигаторе. Так, судя по всему, это где-то на середине пути от Богородицка до Тулы. Ладно, значит, оттуда мне будет быстрее добраться до Тулы, только... если там машин вообще нет? Буду как debil стоять один на пустой трассе. Господи, да зачем я вообще на это пошёл?!

– Я тебя возле знака тогда высажу, – говорит мужик.

– А, ладно, – с театральным спокойствием отвечаю я, хотя внутренне воплю: «Какого знака?»

Мы едем. Едем в абсолютной тишине, потому что я опять не могу пересилить себя, чтобы хоть о чём-то заговорить. Это жутко угнетает, и мне от скуки хочется залезть в телефон, но я понимаю, насколько это будет невежливо, поэтому просто пялюсь в окно и пытаюсь занять себя какими-нибудь мыслями.

По дороге водитель закуривает, и, хоть он и пускает дым в окно, запах всё равно распространяется по салону. Я вспоминаю слова Ани про то, что курят только плохие люди, но разве плохой человек оказался бы единственным, кто согласился подвезти незнакомого парня?

Проехав около получаса, машина останавливается.

– Так, ну смотри, если тебе в Тулу нужно, то тебе дальше по этой дороге идти, – он указывает куда-то в сторону. – Ну, всё.

– А-а-а, спасибо.

Я быстро освобождаюсь от ремней и вылезая из машины. Она уезжает по горке в город, а я иду, куда мне указали, свесившись с навигатором.

По дороге мимо меня проносятся машины, но я пока не хочу их останавливать – слишком близко к городу. Вскоре я оказываюсь в каких-то полях, а вдалеке торчит то ли какой-то завод, то ли фабрика. «Пора стопить», – думаю я, но тут, как назло, все машины кончаются.

Пока я иду, мимо меня проносятся всего машин десять, но ни одна из них не останавливается. Пешком я уже захожу так далеко, что до того завода остаётся совсем чуть-чуть. Может, плюнуть всё-таки на это кино и сходить туда? Всё равно в Тулу я уже не успею...

Рука устала от того, что я постоянно её вытягиваю, поэтому иду вперёд, уже не обращая внимания на проезжающие мимо машины. Чёртовы игнорщики.

И тут передо мной останавливается чёрный джип. Я настораживаюсь. В фильмах такие машины обычно ничего хорошего не предвещают, тем более она остановилась, когда я уже перестал стопить. Может, она по своим причинам остановилась? Мало ли поломка какая-нибудь. Блин, ну не будут же меня насиловать в чистом поле!

Что бы ни было, я подхожу к джипу и открываю дверь.

– Извините, а вот в Тулу по этой дороге?..

– Да, – отвечает водитель – парень лет двадцати пяти.

– О, а вы туда же едете?

– Ага.

– А подбросить можете?

– Да залезай.

С глупой улыбкой я пробираюсь в салон. Тут и тепло, и места много, а сидение оказывается мягким, как домашнее кресло. Я пристёгиваюсь, и машина трогается.

– Ты откуда едешь? – спрашивает у меня водитель.

– Я из Богородицка.

– Ооо, далекоато отсюда. Сюда пешком пришёл, что ли?

– Не, меня до Киреевска довезли, – отвечаю я. Очень непривычно разговаривать с левым человеком, но вообще от парня исходят какая-то приятная энергетика, прям располагает к общению.

– А, я вот тоже из Богородицка еду. Думал, отдохнуть сегодня буду, а вот посреди дня на работу сорвали. А ты зачем в Тулу?

– Да я просто так... погулять решил.

– С девушкой? – с хитрой ухмылкой спрашивает он.

– Ну, как... просто с подругой.

– Ради просто подруги обычно автостопом не ездят, – ехидно замечает он, затем одной рукой роется в подлокотнике и протягивает мне карамельку. – Конфетку не хочешь?

Я благодарю за угощение и быстро её уминаю. Яичницы на завтрак явно было недостаточно для такого трудного дня.

После этого мы тоже замолкаем, пока он не сворачивает на заправку.

– Подожди тут пока.

И не боится же оставлять меня одного в машине.

Вернувшись, он выезжает на дорогу и кому-то звонит.

– Я уже почти подъезжаю, – сообщает он, а потом весь путь треплется по телефону. Что ж, тогда и мне можно в своём полазить.

Первым делом смотрю на время – до сеанса остаётся полчаса. И полчаса, как мы должны были уже встретиться с Полиной. Захожу в сообщения – целый ряд от неё. Быстро набираю: «У меня в дороге возникли проблемы. К сеансу должен успеть». Вскоре приходит ответка: «Давай быстрее, я уже бронь за свои деньги сняла».

Через несколько минут я вижу знакомые магазины.

– Так, а куда тебе надо вообще? – спрашивает водитель.

– Вообще – в «Гостинку»¹, а так где высадите, там и пойду.

– Блин, мне вообще в другую сторону нужно, – с каким-то сожалением проговаривает он. – Ну, ладно, до «Гостинки» довезу.

И уже через несколько минут он правда подвозит меня до самого магазина.

¹ «Гостинка» – народное название Тульского торгового центра «Гостинный двор».

– Спасибо! – кричу я ему со всей благодарностью, уже вылезая из машины.

– Да пожалуйста, – с улыбкой отвечает он и протягивает горсть конфет. – На, девушку угостишь.

Тула – Богородицк: 30 мая, вечер

Мы с Полиной сидим в кафешке на пятом этаже «Гостинки» и уже целый час болтаем на все темы подряд. Перед нами на столе валяется пустая упаковка от пиццы. Свою половину я съел за считанные минуты, несмотря на то, что она обожгла мне язык и все пальцы – так сильно проголодался во время фильма.

Во время разговора с Полиной я думаю об Ане. С ней у нас такого общения не получалось. Я только сейчас понимаю, что совершенно не знаю, есть ли у нас вообще общие интересы: музыка, фильмы, книги. Не зря вчера она сказала, что я её совершенно не знаю. Однако с Аней мы говорили на глубоко личные темы, которые ещё долго будут томиться у меня в голове, не то что Полинин пересказ какого-то корейского сериала.

– Извините, я вас не побеспокою? – спрашивает незнакомая блондинка с кипой бумаг в руках. – Я провожу небольшой соцопрос и хотела, чтобы вы ответили мне всего на пару вопросов. Это займёт буквально пару минут.

Я смотрю на Полину, потому что не знаю, что и как отвечать – у нас в городе таких опросов не проводят. Полина

нейтрально пожимает плечами, и девушка принимает это в качестве согласия. Она усаживается рядом с нами, раскладывает какие-то бумаги и берёт ручку, готовясь записывать ответы.

Сначала она узнаёт у нас стандартные вещи типа возраста и сферы деятельности, а затем спрашивает:

– Назовите три ваши жизненные цели.

Я непроизвольно хмурюсь. Вчера я уже рассказывал про свою цель Ане, но с ней я смог поделиться этим с лёгкостью, а вот оглашать её перед Полиной и уж тем более какой-то тёткой – нет.

– Так, – задумываясь, начинает Полина. – Ну, первым делом я хотела бы закончить школу. Не-не, лучше так – получить хорошее образование. Так, потом найти мужа... Ну и работу, конечно же.

– А, может быть, сначала стоит найти работу, а потом создавать семью? – предлагает ей девушка, записав только первый пункт.

– А, ну да, – легко соглашается Полина. – Может быть, так лучше будет.

– Угу, – девушка удовлетворённо кивает, записывает Полинины слова и переводит взгляд на меня. – А ваши цели, молодой человек?

– У меня нет целей, – грубо отвечаю я. – Я живу так, как живётся, и не собираюсь ничего планировать.

Судя по удивлённому лицу девушки, я её озадачиваю.

Неужели все остальные так легко называют свои жизненные цели?

– Может, – неуверенным тоном начинает она, – вам записать те же самые пункты?

– Вот как раз *эти* пункты мне писать точно не нужно.

Девушка сидит совершенно растерянная, но через несколько секунд говорит:

– Хорошо, тогда на этом мы закончим. Только распишитесь вот тут, – она тычет в нижний край бумаги, и мы с Полиной ставим свои подписи. Когда девушка уходит, я у неё спрашиваю:

– Ты ей по-серьёзке отвечала или от балды?

– По-серьёзному, конечно, – говорит она с таким же поражённым выражением лица, как и у девушки. – А ты чего так взъелся-то?

– Да нифига! – меня почему-то неожиданно охватывает злость. Мне больше не хочется разговаривать с Полиной. – Спасибо за приглашение в кино, конечно, но мне пора домой.

Даже не обнявшись на прощание, я быстро иду к эскалатору. Спустившись только на третий этаж, я, наконец, успокаиваюсь. Меня грызёт совесть за то, как я поступил с Полиной – всё-таки зря я с ней так. Она же не виновата в том, что её мировоззрение не совпадает с моим. Сколько людей – столько и мнений, всех стоит принимать такими, какими они и являются.

Но возвращаться к ней обратно мне неловко. Поэтому я прохожусь по этажу, разглядывая товары в бутиках и магазинах. Долше всего задерживаюсь в книжном – я с детства мечтаю о том, чтобы однажды купить книжный магазин и целыми сутками проводить в нём, ведь, даже когда у меня не было денег, я всегда заходил в него и часами расхаживал между полок, разглядывая новинки.

Но сейчас мой взгляд зацепила не какая-нибудь книга, а открытка – обычная почтовая открытка: с одной стороны белое поле с разливкой для заполнения данных адресата, а с другой – изображение парня и девушки, сидящих на крыше и укутанных звёздной ночью. Не мешкая и секунды, я хватаю открытку и пробиваю её на кассе.

Времени у меня остаётся мало – после приезда я собираюсь сразу пойти на крышу к Ане. От магазина до автовокзала где-то минут сорок пешком по прямой. Конечно, можно доехать на лайне, но я вообще не шарю в городском транспорте.

Я спешу со всех ног, хоть они и болят после нескольких часов автостопа. Наконец забегаю на вокзал и покупаю билет на ближайший автобус. Время отъезда – 20:50. Вот же чёрт! Когда я приеду, Аня уже уйдёт с крыши. Ух, хоть бы успел.

Ладно, до отъезда ещё полчаса, можно пока отдохнуть. Усаживаюсь в свободное кресло и утыкаюсь в телефон. Три пропущенных от мамы. И когда успела? Перезваниваю.

– Ты домой собираешься или нет? – сразу кричит она в

трубку.

– Часа через полтора-два буду.

– Какие полтора-два? Ты время видел? Ты вообще где ша-таешься?

– Нигде, – отвечаю я и сбрасываю. И без твоих упрёков настроение галимое, мама.

Эх, был бы у меня телефон Ани, я бы ей сказал, чтоб она меня подождала. Может, стоит как-нибудь выпросить у неё? А лучше дать свой, точно!

Достаю из рюкзака ручку и открытку, аккуратно заложённую в книжку. Просто написать свой номер – совсем неоригинально. Минут пять я обдумываю различные варианты, и, наконец, в голову прилетает интересная фраза. Красивым почерком вывожу её на ровных линиях, а снизу указываю номер телефона, и убираю открытку обратно.

Интересно, а может Аня есть в «ВКонтакте»? Только как я её найду, если даже фамилии не знаю? Ладно, придётся напрячься. Захожу в поиск людей, ввожу имя «Анна», выбираю фильтр по городам: «Богородицк». 250 человек. Что ж, совсем немного.

Перебираю всех по очереди, разглядывая незнакомые лица на аватарках. Минут через двадцать дохожу до конца списка, но так и не нахожу *свою* Аню.

Скоро время отправления. Выхожу на улицу и залезаю в автобус на последнее место, прислоняюсь лбом к холодному стеклу, и вскоре засыпаю.

Просыпаюсь только на переезде, когда от сильной тряски ударяюсь головой об окно. Хочу посмотреть время, но телефон сел. Когда мы подъезжаем к Нескучному, прошу водителя остановить. Отсюда до крыши я доберусь быстрее, чем с автока. И нужно всё-таки поторопиться.

Я залетаю в открытый падик, бегу по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и вот уже оказываюсь на крыше. Смотрю вдаль, где мы обычно сидели с Аней, но нахожу её место пустым. Всё равно иду к краю крыши, чтобы проверить – мало ли зрение решило меня подвести. Но нет. Я разочарованно вздыхаю, выпуская облачко пара, которое растворяется так же быстро, как и моё хорошее настроение.

Домой плетусь совсем обессиленный, только сейчас почувствовав на себе всю усталость от сегодняшнего дня. Стоит только переступить порог, как на меня сразу набрасывается мама:

– Да неужели! Ты почему на звонки не отвечаешь?

– Телефон сел.

– Телефон сел? А предупредить нельзя было? С завтрашнего дня будешь мне отчитываться, куда и с кем ты пошёл, и давать мне их номера телефонов, понял?

– Конечно, – с ядовитым сарказмом отвечаю я.

– Я надеюсь, ты завтра уже никуда не пойдёшь?

Надеешься, мама? Ты надеешься, что я ни с кем не пойду гулять? Ты надеешься, что у меня нет друзей? Твоя надежда меня убивает, мама.

Я не говорю этого вслух. Захожу к себе, скидываю насквозь провонявшую потом одежду и иду в душ. Вода прохладной струйкой стекает по моей голове, остужая эмоции. Я стою в прострации около часа, и лишь последние десять минут трачу на то, чтобы помыться.

Зайдя к себе в комнату, я скидываю вещи прямо на пол и ложусь на кровать. На тумбочке, рядом со мной, лежит открытка, которую я так и не подарил Ане. На внутренней стороне написано моё послание: *«Если станет одиноко – позови. Будем одиноки вместе»*.

Богородицк: 31 мая, вечер

По привычке просыпаюсь около семи утра и продолжаю лежать, шарясь в соцсетях. Инстаграм пестрит фотками и видеосами с празднования окончания учебного года: кто-то всю ночь тусил в клубах, кто-то отмечал на природе с шашлыками, а кто-то устроил домашнюю вписку. Хотел бы я провести хотя бы один день так же, как эти люди проводят всю свою жизнь.

Впрочем, и я вчерашний день провёл хорошо. По-своему. Всё-таки, встретиться с кем-то и сходить в кино – для меня большое достижение. Правда, выложить мне нечего, да и вряд ли этим можно перед кем-то похвастаться.

Окончательно впав в уныние, я лежу так до одиннадцати часов, пока ко мне в комнату не заходит мама и не швыряет мне в спину апельсин. Когда я резко оборачиваюсь, она удивлённо вскидывает брови и расширяет глаза, будто её застали на месте преступления.

– Ой, а я думала, ты ещё спишь, – говорит она. – Чего есть не идёшь?

– Ща приду, – в горле сушит так, что мой голос жутко хрипит.

Она уходит, прихлопнув дверь, а у меня в голове гудит, как после похмелья. Нужно вставать, но сил нет. Подбираю с одеяла апельсин, но, когда начинаю его чистить, он брызжет

мне в лицо и капает на постель, и я на него забиваю.

Минут через пять всё-таки предпринимаю первые попытки подняться, но без успеха. Свисаю ноги на пол, и с упавшей на грудь головой продолжаю сидеть дальше. Наконец нахожу силы одеться и сходить на кухню.

Полдня я практически ничего не делаю – отличное начало каникул. Не удивлюсь, если так пройдут все три месяца.

Включив музыку, я принимаюсь за уборку: помимо того, что в моей комнате царит полный хаос, нужно разобраться и со школьными вещами, что-то убрав в шкаф с ненужными вещами, что-то отложив на следующий год.

Уборка сильно затягивается, потому что через каждые пять минут я залезаю в ВК и бессмысленно обновляю то сообщения, то ленту. Я снова списываюсь с Полиной, обсуждая разную ерунду без намёка на вчерашний инцидент. Мне кажется, это хорошо, когда друзья, вместо того, чтобы ворошить произошедшее и выяснять отношения, обвиняя друг друга, просто забивают на ситуацию и делают вид, будто ничего не случилось. Ссоры не имеют смысла.

Вечер подкрадывается незаметно – на улице всё так же светло, как и днём. Правда, до девяти часов ещё далеко, но выйти нужно пораньше, иначе мама никуда непустит.

Особого энтузиазма собираться на крышу я уже не чувствую. Я лазил туда три дня подряд, и удовольствие от этого сходило на нет. Так всегда: если что-то особенное происходит в жизни довольно часто, оно перестаёт быть особенным.

Но я всё равно хочу встретиться с Аней. Может, сегодня всё-таки удастся вытащить её с крыши куда-нибудь?

– И куда ты опять намылился на ночь глядя? – упрекает меня мама, заметив мои сборы.

– Гулять.

– А кто тебе разрешил?

У меня уже нет сил с ней спорить и убеждать в том, что я достаточно взрослый, чтобы не сидеть в будке на привязи и гулять, когда захочу, а не когда меня отвязывают.

Одевшись, я беру с собой открытку. Включаю музыку в наушниках и выхожу на улицу.

По дороге я подмечаю, что за четыре дня мой путь к этому дому ни разу не повторился: впервые я попал сюда, заблудившись в чужом районе, потом пришёл от бабушки, вчера – от автобусной остановки, а сегодня впервые – из дома.

Заветная дверь всё также приветливо открыта. Я поднимаюсь наверх, вылезаю из люка. Кажется, будто здесь я бываю чаще, чем в своей квартире.

Подхожу к привычному краю крыши, Ани ещё нет – в кой-то веки я не опоздал. Но проходят минуты, уже давно переваливает за девять, а Ани всё нет. Я начинаю волноваться. Может, она решила, что больше не будет сюда лазить? Но почему тогда не предупредила меня? Или она обиделась из-за того, что я не пришёл вчера? Но она ведь знала, что я буду в Туле, сама же отправила меня туда автостопом. А если бы со мной что-то произошло? Или... или...

От пугающих мыслей в горле застревает ком.

Или с ней самой что-то произошло?

Нет, нет, это глупо. Что страшного может произойти с человеком в нашем тухлом городе?

Но волнение уже растекается по всему телу вместе с кровью, руки дрожат.

Всё, хватит играть с ней в прятки. Что бы с ней не произошло – хорошее или плохое, – я должен её найти.

Я спускаюсь на улицу и вспоминаю нашу первую встречу. Когда мы с ней расходились, она рукой махнула в сторону своего дома. Нужно идти туда.

По дороге я хочу расспросить прохожих, не видел ли её кто-нибудь, но чёртова стеснительность не даёт даже подойти к незнакомцам, что уж говорить про остальное. Но как я найду её иначе? Набравшись смелости, я всё-таки подхожу к пожилому мужчине:

– Извините, вы не знаете девочку по имени Аня? Ей лет тринадцать, кудрявая, ходит в толстовке с капюшоном? Нет?.. Извините, вы не видели...?

Я хожу из стороны в сторону, опрашивая каждого попадающего мне на глаза прохожего, но всё без толку. Я уже дохожу до ЖД-вокзала, где из людей – только бомж с коробкой для монет под ногами. От постоянных вопросов в горле пересыхает настолько, что я уже готов сожрать сосульку. Отчаянно вздыхаю. Искать Аню дальше уже бессмысленно. Пора идти домой.

– Кого-кого ты там ищешь? – с прищуром осматривая меня, спрашивает тот самый бомж, когда я с понурым видом прохожу мимо. Я стараюсь не обращать на него внимания. – Эй, оглох, что ли?

– Никого, – бурчу я и ускоряю шаг, чтобы побыстрее от него отвязаться.

– Эх, зря ты так... Я ведь помощь предлагаю всё-таки. Мимо меня каждый день тут люди ходят, я почти всех знаю.

Я останавливаюсь в задумчивости. Может, он и прав? В любом случае я ничего не потеряю.

Подхожу к нему, стараясь не морщиться от зловонного запаха. Он стоит, ссутулившись над полупустой картонной коробкой с копейками. Его безобразная борода усыпана хлебными крошками, ветер продувает старый и пыльный пиджак на пару размеров больше нужного, совсем протёртые серые штаны.

– Извините... Девочку я ищу. Лет тринадцати, волосы кудрявые... Она ещё в кофте серой ходит... И в капюшоне...

Бомж вновь осматривает меня – каким-то странным, проникновенным взглядом и тяжело вздыхает.

– Так и понял, что её ищешь ... Пошли, знаю я, где она живёт.

Он подбирает свой заработок за день и направляется к переходу через железную дорогу, но я не спешу за ним следовать, обдумывая, куда он может меня завести. За ЖД находится жилой район, но... весьма опасный. Именно здесь на-

ходится рассадник алкашей и наркоманов.

Но я всё-таки рискую и шагаю за ним. Дорога здесь состоит из одной жидкой грязи – лучи солнца не проникают из-за высоких деревьев. Неподальёку разносится собачий лай, заставивший мои органы вздрогнуть и напрячься. Интересно, кого в этом районе нужно опасаться больше – людей или собак?

Впереди – последний дом на этой улице, полуразрушенный и старый, с проломленной в нескольких местах крышей, а за ним – бескрайние поля. Дверь в дом свисает на одной петле, приоткрывая проход, сквозь который проникает ветер. Перед входом видны несколько следов грязи. Я опасливо напрягаюсь.

– Пришли, – кряхтит бомж.

Я не понимаю, что это значит, ведь он обещал показать мне дом Ани, но, когда он проходит внутрь, я доверительно следую за ним.

К горлу подкатывает тошнота. Вокруг стоит зловонный запах – смесь мочи, гнили и влаги. Через секунду у меня слезятся глаза. Вся прихожая покрыта плесенью, а на сырых картонках, старых тряпках и куртках лежат... лежат такие же бомжи, как и мой сопровождающий.

Вот он и привёл меня в своё логово. Вот мне и конец. Вот сейчас они нападут на меня, избыют, обворуют и выбросят в поле на съедение псам.

Я впадаю в оцепенение, не в силах даже пошевелиться от

накатившего на меня ужаса.

– Мужики, Анну нашу никто не видал? – неожиданно спрашивает бомж. По всему телу пробегают мурашки, когда он произносит её имя. Я его не называл, значит... он и вправду её знает?

– Не-ет, уже второй день не появляется, точно, – отвечает один из бомжей.

– Может, ещё придёт, – вступает второй.

– А чё случилось-то?

– Да вот, друг её разыскивает.

– Дру-у-уг? – как один протянули все трое, удивлённо уставившись на меня.

– Да она ведь ни с кем толково и не общалась! – нахмурился первый мужик.

– Так она ж аутистка, куда ей до нормального общения? – вставляет второй.

– Аутистка? – ошарашено переспрашиваю я одними губами.

– Мы даже поначалу думали, что она того... немая, – почему-то шёпотом добавляет подтянувшийся третий. – Пока она сама не призналась, что... ну, больная...

– Смотри, вон место её, – он указывает на дальний угол. – Можешь там пока посидеть.

Я киваю в знак благодарности.

– А это правда, что она... аутистка?

– Ну, правда или нет, – шамкает старик, – но она сама так

нам сказала. Но разве это важно? Кем бы она ни была, всё равно мы её уважаем.

– За что? – слишком резко вылетает из меня.

– За то, что дом этот показала. Раньше мы в заброшенной прачечной жили, рядом с автостанцией. Но туда постоянно подростки лазали, а здесь хоть поспокойнее, никто особо и не трогает. Не знаю, правда, на кой мы ей сдались... Девчонка-то – явно не бездомная. К нам иногда на ночь заглядывает, но спать редко остаётся. Так что, может, и сегодня её не будет.

Он в последний раз оглядывает меня и уходит к своему лежбищу, а я подхожу ближе к койке Ани. Она очень сильно отличается от других – здесь чисто и уютно. На полу ровными стопками друг под другом лежат несколько сложенных картонных коробок. Сверху постелена меховая шкурка, свисающий край которой подвёрнут под картонки. Подушка ужасно грязная, в кофейных или что-то в этом роде пятнах, но, несмотря на это, кажется, будто это самое чистое место в доме. Даже пахнет не плохо, а наоборот, чем-то знакомым и приятным. Аня определённо здесь была.

Я ложусь на её «кровать», но даже сквозь ветровку ощущаю, как меня продирает холод, исходящий от пола. В окне зияет дыра, сквозь которую с жутким свистом дует ветер. Я оглядываюсь на бомжей, и вместо презрения на меня накачивает... сочувствие?

Бездомные... они тоже люди. Ты проходишь мимо них на

улице, морщась и шугаясь, будто они уроды какие. Но ведь они ничем от тебя не отличаются. Они тоже были детьми, играли в прятки и мечтали стать космонавтами. Они ходили в школу, а мамы ругали их за двойки и хвалили за пятёрки. Они верили в Деда мороза и просили щенка на день рождения. Быть может, среди них даже есть герои. Те, кто когда-то помог заблудившемуся мальчику найти маму или спас утопающего. Все думают, что раз у человека нет дома, значит это плохой человек. Но некоторые из них лучше, чем большинство из нас. И кто виноват, что жизнь обошлась с ними так несправедливо? Может, они и состояния своего лишились потому, что хотели помочь другим. И любой однажды может оказаться на их месте...

Я достаю телефон и звоню маме:

– Мам, я сегодня у бабушки переночую.

– Опять? Тебе не надоело там ошиваться?

– Ну блин, я просто зашёл сюда погреться, а теперь мне уходить лень.

– А что ты есть собираешься?

– Я дома наелся.

– Делай, что хочешь. Утром позвоню.

Я сбрасываю трубку и убираю телефон во внутренний карман куртки, от греха подальше.

В голове крутится водоворот мыслей. Я ничего не могу толком осмыслить, потому что всё это кажется кошмарным сном.

Аня – аутистка. И она живёт с бомжами. Разве это может быть правдой?

В голове эхом проносятся её слова: «Ты меня совершенно не знаешь».

Эх, Аня, Аня, что же я за эгоист. Грузил тебя своими загонами, даже не думая, что и у тебя могут быть проблемы. Ты говорила, что хочешь помогать несчастным людям, но хоть кто-нибудь помог тебе?

– Теперь ты обязана мне всё про себя рассказать, – шепчу я себе под нос. – Я тебя дождусь здесь, и мы с тобой поговорим о том, кто мы есть на самом деле.

Я ложусь на спину и закрываю глаза, не желая видеть трещины на пожелтевшем потолке, и чувствую, как близко подступают слёзы – наверное, слишком сильно зажмурился.

Богородицк: 1 июня, утро

Не помню, как уснул – вырубился моментально, но всю ночь провожу в тревожном сне. Вздрагиваю от каждого шороха, ворочаюсь с бока набок, а под утро в полудрёме даже слышу Анин голос, но так ни слова не разобрал.

Просыпаюсь от толчков в плечо. Еле получается прийти в себя: всего знобит, а голова, наоборот, пылает. Не удивлюсь, если заболел.

Передо мной бомж. То есть бездомный. Как только его вижу, от испуга сонливость снимает рукой. Он стоит на коленях, опустив голову. Вид у него какой-то понурый, точно что-то случилось.

– Малец, ты это... Можешь не ждать её здесь... – его голос хрипит, будто кто-то рукой скребёт по штукатуренным стенам. По стенам моего сознания. Я ещё не знаю, что он скажет, но готовлюсь к самому худшему. – Не придёт девчонка твоя.

– Что? Почему? – вопросы слетают с губ раньше, чем я успеваю их придумать. – Что случилось?

– Умерла она... Машина её сбила...

Я не помню, как выбежал из того дома. Кажется, я толкнул мужика. Кажется, я на всех наорал. Кажется, я окончательно сорвал дверь с петель, когда хлопнул ей со всей силы. Я не

помню, как смог выйти в город, не заблудившись. Не помню, как поднялся на крышу.

Но вот я здесь. В окружении тишины и пустоты. Обычно люди чувствуют, когда рядом с ними кто-то есть. Я чувствую, что тебя здесь нет. Ни здесь, ни где-либо.

Я сижу на краю крыши и рыдаю. С каждым всхлипом в голову приходят новые воспоминания о тебе. Их не так много, ведь мы виделись всего два раза, но я вспоминаю каждый твой жест, каждое слово.

Я мысленно возвращаюсь в тот вечер, когда мы познакомились. Что, если бы мама не послала меня за хлебом? Или если я взял с собой зонт? Или пошёл бы по другой дороге? Или дверь в этот подъезд оказалась бы закрыта?

Наше знакомство оказалось чистой случайностью. Но иногда случайности становятся самыми важными моментами в жизни.

Больше всего на свете я сейчас жалею о том, как многого не успел. Не успел узнать тебя поближе. Не успел позвать тебя гулять. Не успел тебя обнять.

Я так часто хотел это сделать, но каждый раз думал: «Ещё не время». Но теперь этого времени больше не будет.

Возможно, я ещё успею. Возможно, я догоню тебя, если отправлюсь за тобой. Между нами – всего один шаг. Один шаг, и моё тело превратится в тряпичную куклу, которую кто-то бросил в пропасть.

Но я, конечно же, этого не сделаю. Я слишком труслив.

Хоть раз в жизни мой характер не портит мне жизнь, а спасает её.

В онемевших руках открытка, мокрая от слёз. Влага развела чернила, превратив надпись в сплошные кляксы.

Я оставляю открытку на краю крыши, придавив её небольшим камнем.

Прощай, Аня.

Всё утро я торчу в интернете, пытаюсь отыскать хоть какую-то информацию об Ане, но нигде не сказано о ней ни слова.

Аутистка... Эти восемь букв пропитали мой мозг насквозь.

Я мало что знал об этой болезни – лишь из фильмов и книг, которым не всегда стоит доверять, но одно мне известно точно: такие люди не очень-то общительны. Если быть точнее, они вообще не способны на контакт с другими людьми.

Перед глазами всплывает её напряжённое лицо в момент нашей первой встречи, отчуждённый взгляд, поджатые губы. Она заговорила со мной, несмотря на те стереотипы, что заложены у неё в генах или типа того. Зря я все уроки биологии рисовал в тетрадке на полях...

Залезаю на разные сайты и читаю признаки аутизма.

«Уклонение от зрительного контакта». Она так ни разу и не взглянула на меня.

«Желание находиться в одиночестве». Она сказала мне об этом, когда мы только познакомились.

«Трудности при общении с другими». Сколько раз между нами возникала тишина?

«Повторение фраз и действий». Она ходила на крышу каждый день в одно время...

«Отсутствие страха перед опасностью». Я всегда поражался тому, как бесстрашно она ведёт себя на крыше.

Я читаю список до конца, и сопоставляю поведение Ани с каждым признаком, но всё равно не могу поверить. Она же смогла со мной заговорить! Болтала со мной, как с лучшим другом, которому можно доверить сокровенные мысли.

Нет, это она была для меня близким другом, а не я для неё.

А что... Господи, что, если... если она сама бросилась под машину? Она хотела помочь мне осуществить мою мечту, и именно поэтому посоветовала мне отправиться в Новосибирск автостопом. Но потом я ей сказал, что рядом с ней перестал об этом мечтать. Могла ли она почувствовать себя препятствием и... и самоустраниться?

Внутри меня абсолютная пустота. Будто вырвали душу, и теперь я – всего лишь пустая физическая оболочка. По коже пробегают мурашки, словно от леденящего, пробирающего насквозь ветра. Быть может, это её дух?

Так, хватит. Неважно, была ли её смерть случайной или оплатой за наши встречи. Теперь я просто обязан исполнить

свою мечту. Даже не ради себя, а в память о ней.

Я решительно иду на кухню, откуда разносятся звуки готовки: шипение сковородки и стук ножа по разделочной доске.

– Мам, у меня к тебе важный разговор.

Нож с особой силой ударяет по доске, с брызгами разделив помидор на две равные половинки.

– Что случилось? – нервным тоном произносит она.

– Ну, короче, мне из параллельного класса позвонили, – начал я, выдумывая ложь на ходу. – Они сегодня отправляются в санаторий. Но у них это... у них, короче, один человек заболел, так что он не поедет. А там же типа уже всё заказано, поэтому от места отказываться нельзя. Ну и короче им нужен кто-то на замену.

Я мысленно вздызаю, порадовавшись, что вроде бы получилось правдоподобно. Если она, конечно, не захочет позвонить нашей классухе и узнать, что да как.

– И что ты предлагаешь? – спрашивает мама, будто ответ не очевиден.

– Поехать с ними, наверное? – с иронией в голосе отвечаю я.

– Давай я сначала дела все сделаю, а потом нормально с тобой поговорим.

– Да какой потом? Они уже через два часа уезжают, вещи собирать пора.

– Тогда пускай другого ищут.

– Да блин, мам!

– Ты мне не блинкой! – она повышает голос, грозно помахав ножом. – Я всё сказала!

Я нарочито громко цокаю языком и закатил глаза, но она не обращает на меня внимания, вновь вернувшись к нарезке.

– И чем мне, по-твоему, на каникулах заниматься? – недовольно бурчу я, упрямо сложив руки на груди. – Будешь потом орать, что целыми днями за компом проторчал.

Мама молчит. Видимо, я всё-таки заставляю её задуматься.

– Это платно? – наконец пророняет она.

Так, а сколько мне нужно на эту поездку? Кататься-то я, конечно, бесплатно буду, но жрачку нахалыву мне вряд ли кто будет давать.

– Три тысячи, – отвечаю я, надеюсь, что не сильно загнул. Ну, блин, откуда я знаю, сколько нужно денег на еду на две недели? Я же только за хлебом постоянно хожу. – И это за две недели, – поспешно добавляю я.

– Ладно, – как-то неохотно соглашается она. – Иди вещи собирай, а то не успеешь.

Радостный и довольный я бегу к себе в комнату. В груди всё бурлит, а в голове – пусто. И что мне собирать? Я же в этом вообще не шарю. Одно дело – поехать в Тулу на полдня, другое – на две недели в жопу страны.

Но отступать уже поздно, поэтому придётся срочно что-нибудь придумать. С большим чемоданом поехать не полу-

чится – будет неудобно постоянно возить его за собой. Придётся обойтись одним рюкзаком. Тогда вещей нужно брать по минимуму.

Я открываю шкаф и изучающе осматриваю всё, что есть. Беру по две пары трусов и носков. Немного подумав, беру третью. Мало ли что. Лишних штанов брать не хочется, только место займут. А вот кофты беру две – простой свитшот и кенгурушку с капюшоном. Так, с одеждой вроде всё.

Захожу в ванну и беру зубную пасту и щётку. Блин, а за две недели у меня щетина жутко отрастёт. Придётся и бритву взять.

Вновь иду на кухню, где мама заворачивает в пакет бутерброды с колбасой.

– Уже собрался, что ли? – спрашивает она.

– Не, я хотел термос попросить.

– Зачем тебе в санатории термос?

– Ну... мало ли, когда мне чая захочется. А в столовку же только по расписанию ходить можно.

– Ладно, щас наведу тебе.

Возвращаюсь к себе в комнату и осматриваюсь в поисках того, что мне ещё может понадобиться. Взглядом натыкаюсь на самое главное – зарядку для телефона. Было бы круто, если бы я уехал без неё.

– Паш! – через некоторое время зовёт меня мама. Я возвращаюсь на кухню, и она вручает мне термос, пачку чая и бутерброды. – Так, это тебе тормозок в дорогу. Деньги не

потеряй, – она суёт мне в карман три тысячные купюры.

– Не потеряю, – обещаю я и, вернувшись к себе, заполняю последнее место в рюкзаке.

Богородицк – Епифань: 1 июня, день

Когда я пошёл автостопить в первый раз, было утро, а дорога вела на Тулу – все факторы хорошего движения, и то мне не очень-то фартило. А сейчас середина рабочего дня. К тому же в Новосибирск придётся ехать через Рязань, а чтобы туда попасть – сначала в нужно Епифань, а это вообще посёлок, в который тупо никто не ездит, потому что ехать туда придётся по полностью расхераченным дорогам! Вашу ж мать, о чём я вообще думал, когда решил отправиться автостопом, тем более, сейчас, почти вечером? Я же в Рязань уже ночью приеду! Да, блин, я вообще туда сегодня не приеду!

Но если я всё-таки не поеду, то что скажу маме? Поездочка обломалась, нашли другого? Или скажу, что с автобусом проблемы, и отъезд перенесли на завтра? Если выеду завтра утром, то наверняка всё получится лучше. Или я вообще могу ничего не говорить маме, а пойти к бабушке и перекантоваться у неё. Есть, конечно, вероятность, что в любой момент туда может прийти мама, но...

Нет, хватит. До-воль-но. Слишком многое я потерял в своей жизни из-за стеснительности и нерешительности. Сколько у меня было возможностей побывать в разных местах или погулять с крутыми ребятами, но каждый раз я одёрги-

вал себя с мыслями: «А вдруг всё это плохо кончится?» Ну, кончится и кончится, плевать! Лучше я буду жалеть о том, что сделал это, чем о том, что не сделал, когда была возможность.

Пройдя парк, я выхожу к стадиону, который стоит у трассы, но начинать отсюда – плохая затея, лучше выйти за город.

Погода хорошая. Солнце греет уже по-летнему, но благодаря приятному ветру не особо жарко. Идти тяжело – рюкзак набит битком, и теперь он оттягивает назад, а лямки сильно впиваются в плечи.

Прохожу мимо кладбища, и невольно содрогаюсь при мысли о том, что скоро здесь похоронят Аню. Или уже похоронили. Я так и не смог узнать никаких подробностей о её смерти. Мне снова хочется зарыдать, но я сдерживаюсь.

Когда вернусь, обязательно узнаю, где её похоронили. Буду приходить к ней каждый день, в восемь часов вечера, и болтать о том, о чём мы не успели с ней поговорить. А она всё так же будет молчать... Я бы хотел провести с ней всё время, даже сейчас бы остался тут, но... Ане наверняка не понравится, если я откажусь от заветной мечты и застряну тут. Хотя откуда такая уверенность? «Ты меня совершенно не знаешь», – её слова стали клеймом на нашем общении.

Я прохожу знак с перечёркнутым словом «Богородицк», но всё ещё не решаюсь начать стопить. Наконец, дойдя до поворота, я перехожу дорогу. Как только на горизонте показывается первая машина, вытягиваю руку с поднятым боль-

шим пальцем и начинаю вести отсчёт: «Сколько машин проехало мимо».

Машина проезжает мимо меня, замедляя ход. С ошарашенным лицом я оборачиваюсь, и вижу, как она останавливается на обочине, неподалёку от меня. Может, сломалось что? Блин, да не может такого быть, что меня решил подогнать первый же водитель!

Я бегу к машине и открываю переднюю дверь. За рулём сидит грозный толстяк, рядом с ним ещё один, обоим за сорокет.

– Э-эм... здрасьте, – неуверенно произношу я. – Подбросите?

– Садись сзади, – говорит водитель. – Бутылки только подвинь.

Я открываю заднюю дверь, перекидываю пустые пятишки на другую сторону и усаживаюсь.

– Тебе вообще куда?

– Ну, вообще я собирался в Новосибирск, – с некой недоверчивостью говорю я, будто сообщаю домашний адрес. На самом деле я просто переживаю, что незнакомые люди недовольно отнесутся к заявлению о том, что я хочу нахаляву проехать полстраны. – Но сегодня мне хотя бы до Рязани добраться.

– Нехило ты, конечно, каникулы провести решил, – ухмыляется мужик. – Ты хотя бы дорогу знаешь?

– Ну, такое...

– Мы тебя, короче, сейчас до Епифани подбросим. В сам город заезжать не будем, на остановке высадим – нам потом в другую сторону нужно. Но тебе, короче, потом до Кимовска, а оттуда уже в Рязань. А как ему дальше ехать? – спрашивает водитель у другого мужика.

Они обсуждают какие-то трассы с цифрами-буквами и ещё долго спорят, какая из них лучше, припоминая людей с работы, которые «туда заказ возили», и в итоге мужик выдаёт:

– Слушай, ну дорога тебе трудная предстоит.

Я ухмыляюсь, будто и так не знаю.

– Из Рязани, значит, в Муром, а потом в Нижний Новгород, – объясняет мужик. – Там уж тебе самому придётся разбираться, нас так далеко не гоняли... Тебя как звать-то?

– Паша.

– Паш, ну ты парень отчаянный, раз на такое решился, – произносит он с долей гордости в голосе. Реально интересно, а что он вообще подумал про мой автостоп? – А едешь откуда?

– Из Богородицка.

– Ууу, это ты только выехал...

Судя по интонации, он не спрашивает, но я всё равно подкиваю в ответ, и на этом наш диалог заканчивается. Он трындит со своим товарищем, вставляя мат через каждое слово, а мне это только на руку, хоть в телефоне нормально могу посидеть. Много, конечно, не получится, а то разрядит-

ся быстро, но хоть чем-то время займу.

Уже совсем скоро машина притормаживает около какой-то заправки.

– Ну, вот тут мы, короче, тебя высадим, – говорит водитель. – Значит, тебе вон по той дороге нужно. Там к монастырю выйдешь, а потом направо завернёшь и дальше по дороге.

– Спасибо, понял, – говорю я, уже вылезая из машины.

Я перебегаю дорогу и иду в указанную сторону, но буквально через пару секунд из машины доносится голос:

– Ты куда пошёл? Тебе в другую сторону нужно!

Балиин. Ну, ок, ладно.

Я поворачиваю на другую улицу, но тут меня окутывают большие сомнения, потому что эта дорога вообще кажется заброшенной. Чёрт, лучше по картам посмотрю, что и как.

Вбиваю в телефоне маршрут до Епифани. И правда, по этой раздолбанке идти придётся, причём чесать ещё хрен знает сколько. Надеюсь, что хоть кто-нибудь по дороге подбросит.

Иду уже минут пять и сомневаюсь всё больше и больше. Впереди – одни поля, а потом лес. Я даже не уверен, что дальше есть хоть какая-то дорога.

И тут за мной раздаётся сигнал машины. Обернувшись, вижу, как ни странно, всё того же мужика.

– Слушай, если тебе, и правда, в Епифань нужно, то лучше сядь в машину, я тебя сам довезу, пока ты куда-нибудь нахер

не ушёл.

Никак не комментируя, я залезаю в машину. Вот как будто сразу довезти не мог. А то сначала показал в одну сторону, потом сказал, что в другую, теперь оказалось, что опять не туда.

– Вот ты в телефон уткнулся, а лучше бы меня послушал. Он ж тебе там, наверное, дорогу через поля показывает. Ты по ним полдня тащиться будешь.

Я опять ничего не говорю, потому что и так, походу, его раздражаю.

– Вот центральная площадь, – говорит он, притормаживая. – Тебе по той дороге всё время прямо. И только попробуй, твою мать, куда-нибудь сверни! А то тебе потом там бошку кто-нибудь свернёт.

– Спасибо, – чуть ли не пишу я, поскорее вылезая из машины. Ё-моё, нормальный же мужик сначала показался, чё истерить-то начал?!

Я иду по указанной дороге, а водитель всё ещё стоит на месте. Следит, что ли, чтобы я реально никуда не свернул? Это он так за меня переживает или что вообще?

Наконец его машина уезжает в обратную сторону, и я со спокойствием на душе опять вбиваю в навигаторе «Киев». Так, ну, судя по всему, на этот раз я и вправду иду правильно.

Сама по себе Епифань ничем непримечательна: маленькие домишки, разбитые дороги, грязь на обочинах. Но внут-

ри меня будоражит сотня ярких эмоций. До сих пор я не могу осознать, что наконец-то смог выбраться из своего захолустного городка навстречу приключениям. И теперь я оборачиваюсь по сторонам, осматриваю каждую улочку, вглядываюсь в каждое окно и восхищаюсь так, будто раньше никогда не выходил на улицу. Быть может, так оно на самом деле и есть? Быть может, это начало моей новой жизни?

Чередование домов обрывается слишком быстро – за поворотом уже идут поля, а с левой стороны стоит знак с перечёркнутым словом «Епифань».

Я не хочу, как в прошлый раз, уходить ещё за километр от знака, поэтому тут же вытягиваю руку с поднятым пальцем. Интересно, на этот раз мне придётся торчать два часа или меня возьмёт первый же проезжающий водитель?

Ответ на вопрос становится ясен, когда, спустя почти пять минут моего одинокого стояния на месте, мимо меня проезжает машина. Следующая проезжает ещё минут через пять, но она, к моему большому счастью и ещё большому удивлению, останавливается.

Машина не менее разбита, чем епифанские дороги – «Копейка» с проржавевшими боками и перегоревшей правой фарой еле дышит, но лучше доехать на этом, чем упустить возможность и ещё пару часов проторчать тут.

Я подбегаю к развалюхе и пытаюсь открыть дверь, но она не поддаётся. Водитель – мужчина лет пятидесяти – открывает её изнутри.

– Добрый день, подбросите?

– Ты в Кимовск?

– Ага.

– Ну, садись.

Не успеваю я закрыть за собой дверь, как мужик уже трогается с места, а дверь, тем не менее, не захлопывается, и уже на ходу мне приходится заново её открыть и закрыть по-нормальному.

Кимовск – Рязань: 1 июня, вечер

Мы с водителем, которого, кстати, зовут Николай (кажется, он первый, кто вообще мне представился), сразу же находим общий язык. Ну, как язык. Просто говорим на всякие темы, которые приходят в голову, лишь бы не молчать.

– А ты в армии служил?

– Не-е, я ещё школу не закончил. Только в десятом учусь.

– А-а-а... А родители есть?

– Ну, да.

– Папа, мама, да? Угу. А братья-сёстры?

– Не.

– Один, значит, – вздыхает он. – Вот тебе и скучно дома сидеть.

– А вы в Кимовск по работе едете? – в свою очередь интересуюсь я.

– Нет, у меня сын там живёт, вот еду к нему на выходные.

В таком ключе мы разговариваем всё дорогу. Ничего интересного, просто вопрос-ответная форма, но это всё же лучше, чем тупо сидеть и пялиться в окно. А то опять начну загоняться на ненужные темы.

– Ща я к Степанычу зайду, – говорит Николай, останавливая машину. Он вылезает, даже не вытащив ключи из замка зажигания. И не боится, что я её угоню?

Пока его нет, захожу в навигатор. Так, походу мы уже на

окраине Кимовска. До Рязани ехать ещё около двух часов, а времени – только пятый час. Походу, в Рязань я всё-таки успею до темноты. Может, если всё и дальше так хорошо пойдёт, я и в Муром успею доехать? Хотя... Судя по картам, между Рязанью и Муромом больших городов нет, поэтому, если меня выкинут в какое-нибудь село, то я останусь без ночлега. Не, рисковать лучше не стоит.

Возвращается водитель минут через пять, с мешком в руках. Садится в машину, закидывает его на заднее сиденье и спрашивает:

– А тебе куда нужно?

– Да мне без разницы.

Мы проезжаем ещё несколько километров, а потом он тормозит возле какой-то остановки.

– Вот тут нормально?

– Да, конечно. Спасибо.

– Да не за что, удачи.

Вылезаю из машины и захлопываю дверь, но она опять закрывается не до конца. Только я хочу закрыть её получше, как Николай уже трогается, и машина так и уезжает. Ну, эм, ладно.

В наушниках играют любимые песни, от которых на душе становится ещё приятнее. Я иду, куда несут ноги, любуясь городом. Любоваться, конечно, особо нечем: Кимовск напоминает слегка уменьшенную копию Богородицка. Хотя вскоре я натыкаюсь на высокую водонапорную башню. Правда,

по стилю она больше напоминает какую-то венецианскую колокольню из учебника мировой культуры: сама прямоугольная, из красных кирпичей, а треугольная крыша, кажется, из дерева. Окошки на разных этажах – просто проёмы в стенах, а вот на самом верху – трёхстворчатые рамы с каждой стороны башни. У меня появляется дикое желание залезть туда, посидеть на решётчатом балконе и, любуясь свысока ночным городом, поговорить о том, что так глубоко лежит на душе. Но, во-первых, ещё не ночь; во-вторых, вряд ли меня вообще туда пустят, а в-третьих... В-третьих, не с кем мне больше разговаривать...

Стараюсь не думать о плохом, но тут включается песня, ещё сильнее нагоняющая тоску. Я переключаю её на что-то более оптимистичное и рассматриваю памятник шахтёру напротив водонапорки. Ещё немного пошлявшись по городу, нахожу мемориал ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС. На этом город, походу, и кончается. Ну что, тогда пора сваливать отсюда.

Я смотрю дорогу до выхода из города, запоминаю её – всего два поворота – и следую маршруту, слушая песни. Пока я иду, уже проигрывает три песни, а на дороге до сих пор не показывается ни одной машины. А ведь скоро уже должна быть трасса. Блин, ну всё, теперь застряну. Хотя очень странно, что по этой дороге в Рязань никто не ездит.

Опять захожу в навигатор и бью себя рукой по лицу.

Я. Пошёл. Не по той. Дороге.

Чёрт возьми, я завернул раньше нужного и оказался в каком-то строительном районе. Потому-то здесь никто и не ездит!

Внутри меня бурлит ярость на самого себя. Больше никогда не стану полагаться на память. Лучше всю дорогу идти с телефоном в руках, чем сворачивать не туда, куда нужно, а потом петлять, пытаюсь найти дорогу обратно.

Спустя ещё три песни я наконец возвращаюсь к точке «поворота не туда», смотрю в навигатор и, не отрываясь от экрана, следую за стрелочкой. Через какое-то время я наконец выхожу на трассу и... проклинаю себя ещё сильнее.

Передо мной тот же строительный район. И та дорога, по которой я шёл. Если бы я прошёл тогда ещё совсем чуть-чуть, то всё равно вышел бы на трассу, причём на полчаса раньше. Аргх.

Меня всё бесит, аж трясёт. Уже не хочется ехать ни в Рязань, ни в Муром, ни в какой-то Новосибирск. Лучше бы сидел дома и смотрел сериалы, честное слово.

Но и на этот раз мне удаётся убедить самого себя идти дальше. Ты же не любишь возвращаться, Паш. Разве ты забыл?

У меня не остаётся сил идти дальше, поэтому я просто останавливаюсь и начинаю стопить. Когда тормозит первая же машина, я даже не удивляюсь. Может, это Аня, наблюдая за мной с небес, помогает мне в осуществлении моей мечты?

– Здравствуйте, подкинете? – задаю я уже приевшийся во-

прос.

– А тебе далеко?

– Ну, мне в сторону Рязани.

– Блин, я только на три километра подкинуть смогу, я потом в Пронь заворачиваю.

– А, да сойдёт.

Я сажусь в салон, с наслаждением вытягиваю ноги. Хотя пять минут посижу в комфорте.

Но тут мне приходит странная мысль. А вдруг, если бы я сейчас не согласился проехаться до этой деревни на три километра и остался стоять там, меня бы подобрал какой-нибудь дальнобойщик, который едет напрямик до Рязани? А теперь, получается, он просто проедет мимо, и мне потом придётся дальше стоять и ждать машину?

Я не успеваю окончательно определиться: стоит ли мне в следующий раз соглашаться проехать пару километров или всё-таки остаться и надеяться на лучший вариант. Водитель уже останавливается, и я высаживаюсь.

Хоть мы и не сворачивали с трассы в саму деревню, антураж тут всё равно какой-то сельский. По обеим сторонам дороги перекошенные домики, перед которыми носятся ворчливые курицы. Немного неловко стопить прямо на глазах у людей, но идти дальше мне дико влом – и так довольно находился.

Первая машина проезжает мимо. И вторая тоже. Что ж, видимо, моя удача была невечной. Третья, четвёртая, пя-

тая... Наконец останавливается шестая.

– Я в Тулу еду, могу до поворота подбросить, – говорит мне водитель, когда я сообщаю про Рязань.

– Да, давайте.

Водитель совсем молодой, постоянно пытается начать какую-то тему, даже специально делает музыку потише, чтобы было удобнее разговаривать. Но я так устал, что на разговор не хватает сил. Сейчас бы лечь и поспать, а не вот это вот всё.

– Если хочешь, могу до Тулы довезти.

Блин, мож рил в Тулу? А оттуда домой на автобусе. Хватит с меня этих приключений.

– Нет, – тем не менее, отвечаю я, хоть и не так уверенно, как хотелось бы.

– Ну, как хочешь.

Он останавливается прямо на повороте, я высаживаюсь, а он уезжает.

Ноги ломит от усталости, я едва отрываю подошву от земли, но всё равно иду и голосую на ходу. Мне кажется, если я сейчас остановлюсь, то ноги вообще отвалятся.

Машин очень мало. Я вижу, как почти все сворачивают в сторону Тулы, и мимо меня проносятся лишь единицы. Пятая, десятая, двадцатая. Небо темнеет, превращаясь в глубокий тёмно-фиолетовый цвет, а в душе рождается столь же глубокое чувство отчаяния. Я даже думаю о том, чтобы вернуться на поворот и всё-таки доехать до Тулы, но ноги, хоть и медленно, но упорно шагают вперёд.

И тут мимо меня, на противоположной полосе, проезжает полицейская машина. Господи, как же я пересрал! Хорошо, что я успеваю спрятать руку чтобы не привлечь лишнего внимания, и они проезжают мимо. А вдруг остановили бы? Кататься автостопом в России вообще законно? В любом случае, я же иду по обочине по ходу автомобильного движения, а это точно нарушение правил. Ладно, пофиг, мимо же проехали. И вроде в мыслях успокоился, а в груди всё равно бух-бух-бух.

Машины одна за другой проносятся мимо меня. Я насчитываю уже третий десяток, когда передо мной оказывается спуск.

– Чёрт! – вслух выражаюсь я.

Ясное дело, что перед спуском останавливаться никто не будет. И что мне делать? Стоять на месте в ожидании машины? Со временем они проезжают всё реже и реже. Может, скоро они вообще перестанут показываться? Нет, стоять истуканом я не собираюсь. Придётся спускаться. Только там уже идёт подъём, а перед подъёмом уж тем более никто не остановится. Надеюсь, пока я проделаю весь этот путь, ни одна машина мимо не проедет.

От рюкзака нестерпимо ломит спину, поэтому мне приходится нести его в руках. Легче от этого, правда, не становится.

Пока я спускаюсь и поднимаюсь, мимо меня проезжают три машины. Я очень надеюсь, что, останься я там, на месте,

они бы всё равно проехали мимо.

Ноги уже не способны идти, а живот сводит от голода. Может, пора бы что-нибудь пожрать?

Отхожу от дороги всего на шаг, чтобы в любой момент вытянуть руку перед проезжающей машиной. Достая тормозок, который приготовила мама. Блин, стоило перед дорогой ещё в магазине что-нибудь купить, но что уж теперь.

Я съедаю всего два бутерброда, оставляя остальное на потом, немного запиваю чаем, утрамбовываю всю обратно в рюкзак и возвращаюсь на место. Как ни странно, но лучше мне не становится. Наоборот, кажется, что устал ещё сильнее.

Раз машина. Два машина. Я уже не знаю, сколько суммарно проехало мимо меня.

Проезжая мимо, третья машина включает поворотник. Я завороженно смотрю ей вслед. Она проезжает и останавливается недалеко от меня. Со всех ног бегу к ней, хотя кажется, будто еле плетусь.

За рулём – совершенно неожиданно – оказывается девушка. Причём молодая, может, студентка ещё.

– Привет, – как-то по-дружески здороваюсь я, но на «ты» с ней всё равно общаться не рискую. – Подбросите?

– Давай, – приветливо улыбается она.

Я радостно залезаю в салон. Тачка у неё, конечно, очень крутая. Я с наслаждением вытягиваю ноги и утопаю в кресле с таким чувством, будто залез в джакузи.

– Куда собрался, если не секрет? – с лукавой улыбкой интересуется она. И смотрит так, будто разглядывает, как-то... оценивающе, что ли?

– В Новосибирск. Но на сегодня придётся остаться в Рязани, – я отвечаю ей непринуждённо, как будто мы с ней давно знакомы и хорошо общаемся. Вот бы все водители располагали к разговору также.

– Ох ты... Слушай, ну я в Михайлов еду. Это недалеко от Рязани находится, может, ты там останешься? Я просто боюсь, что тебя уже никто не подберёт потом.

– А в Михайлове где? – спрашиваю я, не особо догоняя: она меня к себе на вписку приглашает или что?

– Должны же там быть какие-то гостиницы или хостелы. Ты пока что погугли.

Достаю телефон и чувствую, как сердце сжимается. На часах уже почти семь, а зарядки осталось всего пятнадцать процентов. До конца дня точно не протяну.

Разблокировав телефон, вижу несколько пропущенных звонков и СМС-ку от мамы: «Вы уже доехали? Хорошо заселили? Как кормят?». Пишу ответку: «Мам, всё нормас. Приеду домой, расскажу. Пока что некогда, мы заняты». Ещё немного шарюсь по телефону, делая вид, что реально гуглю гостиницы и хостелы. Ну блин, не хочется мне деньги отдавать за ночёвку. Может, щас сделаю грустную моську, и она меня к себе пустит? Ну, видно ведь, что добрая девушка.

– Не, нет там ничего вообще.

– Блин, – ругается так, будто это ей ночевать негде. – Ладно, щас, может, мотель какой-нибудь по дороге найдём... А ты вообще откуда?

– Я из Богородицка.

– Ой, я там бывала пару раз в детстве. У меня бабушка там жила. А сама я из Кимовска.

Ой, чёрт. Походу не получится у меня к ней вписаться.

– А в Михайлов вы зачем?

– Да мне нужно вещи кое-какие выкинуть.

Я не спрашиваю, зачем ей понадобилось выкидывать вещи в другом городе в такое время. Не хочу показаться навязчивым, хоть вопрос прям так и вертится на языке.

– А в Рязани бывали? – спрашиваю вместо этого.

– Да, доводилось пару раз, – отвечает она, смотря на дорогу с лёгким прищуром, будто что-то вспоминает. – Хороший город. Вот, знаешь, у каждого города есть своя энергия. И из всех городов, в которых я побывала, в Рязани самая лучшая. Туда только въезжаешь, и на душе сразу становится... ну, как-то легко. Как будто пришёл в исповедальню, и тебе отпустили все твои грехи.

«Как раз то, что мне сейчас нужно», – думаю я, замороженно наблюдая за огнями трассы.

– Мне ещё в Рязани нравится то, – продолжает она, – что там многое осталось с давних времён. По некоторым районам так ходишь, и кажется, будто вернулся в прошлое. Кстати, пару веков назад... в 18, что ли... не хочу врать. В об-

щем, в Рязани был оползень. Город-то на низине стоит. И вот, в общем, его полностью затопило. Когда будешь гулять по городу, обязательно обрати внимание на старые дома. Если приглядеться, то у первых этажей можешь заметить следы от воды.

Рассказав про Рязань ещё много чего интересного, девушка спрашивает обо мне, попутно рассказывая о себе. В принципе, ничего особого её жизнь не представляет, хотя за всё время она успевает поведать несколько историй с пятью своими бывшими. Я всю дорогу пялюсь в телефон: то на время, то на количество зарядки.

Вскоре мне приходит СМС-ка от мобильного оператора о том, что я въехал на территорию Рязанской области, и внутренне я начинаю ликовать. Господи, я приехал в другую область! Один, безо всякой подготовки, ещё вчера будучи уверенным, что все каникулы мне опять придётся провести дома. Правда, я всё ещё сомневаюсь, что моя затея хорошо кончится...

Я открываю навигатор и проверяю расстояние, оставшееся до Михайлова. Совсем скоро мы доедем до поворота, она выбросит меня, а дальше мне, походу, придётся идти пешком до самой Рязани.

Но вот мы проезжаем нужный поворот и едем дальше. Так, ну вряд ли она не знает дорогу. Тем более там указатели стояли. Может, решила другим путём? Вдруг там асфальт лучше.

– Неужели никаких мотелей нет? – задаёт она риторический вопрос. – Должны же водители хоть где-то останавливаться.

Я ничего не говорю, и она тоже замолкает. Ещё некоторое время мы молчим, а потом она начинает кому-то звонить.

– Алло, Серёж? Слушай, ты дома? А, здорова, – усмехается она. – А я, представляешь, в Рязань еду! Да вообще случайно получилось. Пацана одного подобрала по дороге, а ему ночевать негде. Ну, не бросать же его. Да, в Рязани-то он куда-нибудь пристроится. Ну я что хотела-то: я у тебя ночевать останусь? А то мне не хочется так поздно в Кимовск возвращаться. Ну всё, увидимся тогда.

Она кладёт трубку, и со смешком произносит:

– Вот так вот, называется, съездила постельное бельё выкинуть.

Я усмехаюсь ей в ответ. Так, в качестве поддержки. Потому что до сих пор не понимаю, ну зачем какое-то бельё в другой город выбрасывать? В Кимовске мусорок нет, что ли?

– Завидую я тебе, вообще, – внезапно говорит она. – Сколько ты себе приключений, наверное, находишь по дороге... Так, ищи какую-нибудь ближайшую гостиницу, я тебя до неё довезу.

Я гуглю (реально гуглю, потому что, блин, на халявную вписку уж никак не получится пристроиться), но ничего понять не могу в этих картах. Мне наш Богородицк по своему расположению нравится больше других городов. Говорят, по

велению Екатерины II его построили так, чтобы улицы располагались в виде веера. И это была реально крутая идея. Во-первых, если смотреть со смотровой площадки дворца графа Бобринского, то выглядит очень аккуратно, а не так хаотично, как в других городах. А во-вторых, благодаря этому в нём легко ориентироваться. Что, в принципе, не помешало мне пару дней назад заблудиться...

– Тут, походу, легче пешком пройти, – говорю я, вращая карту туда-сюда. – На машине придётся ещё полчаса по дороге ехать, а пешком можно по дворам минут за десять.

– Так, ну, тогда я тебя сейчас высажу где-нибудь на остановке.

Господи, зачем я ей об этом вообще сказал? Не, конечно, она и так помогла мне больше, чем было нужно. Всё-таки пожертвовала личным временем (и бензином) ради незнакомого пацана, но, блин, как же не хочется опять вставать на ноги.

Но вот она уже останавливается, и я с тоской расстёгиваю ремень.

– Спасибо большое, – говорю я и вылезаю на улицу.

Рязань: 1 июня, вечер

Вот и всё.

Вот я и в Рязани.

Я В РЯЗАНИ, ВАШУ МАШУ.

Первые секунды мне ещё приходится привыкнуть к этой мысли, а затем я достаю телефон и строю маршрут до какого-то хостела. Надеюсь, моих оставшихся семи процентов хватит, чтобы нормально дойти.

Я смотрю направление на карте и, запихнув телефон поглубже в карман (мало ли что?), иду прямо. Становится немного страшно, когда впереди показываются семь огромных труб. Ещё более страшно становится, когда от них начинает доноситься жуткое гудение. Реально жуткое, прямо мурашки по коже. Может, это какой-то завод? Или электростанция? Блин, хорошо было бы иметь какого-нибудь сопровождающего из местных. Может, мне удастся тут с кем-нибудь познакомиться и скорешиться? Пф, ну да. Мне-то...

На всякий случай сверяюсь с навигатором и, походу, не зря, потому что... ну, да. Конечно же, я опять пошёл не в ту сторону. Лучше бы та девушка рил подбросила меня до самого хостела. А может, такси вызвать? Угу, денег-то у меня дофига.

Ай, к чёрту. Если я пойду в хостел прямо сейчас, то до утра уже точно не выйду. Лучше уж ещё погуляю, пока не

совсем поздно.

Надо бы ещё в магаз зайти, а то жрать хочется дико. Справа от меня как раз вырастает какое-то здание, но им оказывается всего лишь автомобильный центр. Засмотревшись на него, я наступаю в лужу и утопаю в ней на полноги. Офигеть, как меня Рязань встречает!

Ещё долго иду вперёд и наконец-то выхожу на большую дорогу. Не то, чтобы до этого была маленькая – шоссе всё же – но тут и машин больше, и люди ходят. Сразу понятно, что здесь по-настоящему начинается город.

Долго пытаюсь понять, в какую сторону мне двигаться дальше, но, посмотрев на карты, иду вправо. Оглядываюсь по сторонам, наслаждаясь обилием огней большого города. Такого чувства эйфории я не испытывал даже в Туле. Хотя о чём и говорить?

Я ещё долго брожу по городу, заворачивая там, куда несут меня ноги. Прохожу мимо многочисленных заброшек. Эх, вот бы полазить по ним! Некоторые из них скрыты за баннерами, на которых в полном размере напечатаны красивые дома. Может, именно так эти заброшки выглядели раньше? Только в некоторых местах баннеры всё равно порваны. Наверняка туда лезят все, кому не лень.

Через какое-то время (я совершенно за ним не слежу) прихожу к Рязанскому кремлю. Выглядит он немного странно – квадратное трёхэтажное здание с нагромождёнными башнями. Впрочем, я не ценитель архитектуры, не мне су-

ДИТЬ.

*Ночь и тишина, данная на век,
Дождь, а может быть падает снег,
Всё равно, – бесконечно надеждой согрет,
Я вдали вижу город, которого нет...*

Я не понимаю, откуда доносится музыка. Такое ощущение, будто она льётся со всех сторон. Может, тут установлены колонки?

*Где легко найти страннику приют,
Где, наверняка, помнят и ждут,
День за днем, то теряя, то путая след,
Я иду в этот город, которого нет...*

Я знаю эту песню наизусть ещё с детских лет. Помню, как бежал в дедушкину комнату, когда он смотрел по телеку какой-нибудь концерт, и там начиналась эта песня. Но за все эти годы я ни разу не вникал в текст. И только сейчас, напевая её вслух против воли, осознаю всю глубину её смысла.

*Там для меня горит очаг,
Как вечный знак забытых истин,
Мне до него – последний шаг;
И этот шаг длиннее жизни...*

Наконец я замечаю на аллее молодого паренька в окружении музыкальной аппаратуры: рядом с ним стоит колонка на колёсиках, из которой доносится грустная мелодия, а сам он поёт в стоячий микрофон, зажмурившись от удовольствия. Удовольствия ли? Я тоже так закрываю глаза, когда слушаю песню, в которой нахожу себя. Переживаю то, что переживал её автор.

Кто ответит мне, что судьбой дано?

Пусть об этом знать не суждено.

Может быть, за порогом растраченных лет

Я найду этот город, которого нет.

Перед микрофоном лежит небольшой ящик. Я копошусь в карманах, нахожу там несколько рублёвых монет, кидаю туда и ухожу. А за моей спиной парень продолжает надрывать голос, вкладывая в него всю душу и все эмоции, что он испытывает.

Хочу узнать время, но телефон окончательно садится. Наверное, уже всё-таки пора искать себе приют. Ещё б узнать, куда идти?

Сначала я выхожу на какую-то улицу, только людей тут не особо много, да и то большинство – старики. Наконец мне удаётся поймать молодую женщину:

– Извините, а не знаете, поблизости где-нибудь есть ка-

кая-нибудь кафешка, где можно телефон зарядить?

Она крутит головой по сторонам, будто не знает, где сама сейчас находится, а потом пытается что-то мне объяснить. В принципе, ориентировочный маршрут я понимаю и, чтобы не терять время, сразу направляюсь туда.

С каждой минутой Рязань перестаёт казаться мне какой-то... необычной. И дома, и огни принимаются за что-то обыденное. Я уделяю внимание каждому зданию и памятнику, мимо которых прохожу, но никакого впечатления они на меня не производят. Может, я просто так сильно устал?

По дороге я вновь наступаю в лужу той же ногой, а потом, как назло, ещё раз, и в итоге обувь промокает насквозь и начинает хлюпать. Я тоже начинаю хлюпать носом. Нужно быстрее куда-нибудь добраться, чтобы просушиться, а то до Новосибирска я так и не доберусь, сдохнув по дороге от менингита.

Кафешку я нахожу нескоро, но зато сразу две рядом. Никогда не понимал, в чём смысл работать бок о бок с конкурентами? Вот в Туле на проспекте идут пять свадебных салонов подряд. Неужели не легче построить их в разных районах, чтобы люди со всего города не тащились в одну точку?

Зайти в кафешку я ещё долго не решаюсь. Вот сейчас зайду, а они у меня сразу заказ спросят. А у меня денег на такую роскошь нет. И как я у них спрошу, можно ли у них телефон зарядить? Ох, ладно, была не была.

Захожу внутрь навстречу теплу. Кафешка по большей ча-

сти похожа на кальянную – почти на каждом столе стоит по одному кальяну, в окружении которого люди, вальяжно усевшись на мягких диванчиках, парят табак с фруктовыми ароматами. От приторно-сладкого запаха у меня начинает свербеть в горле.

Подхожу к барной стойке и обращаюсь к официантке:

– Извините, а у вас тут телефон зарядить можно?

– Да, конечно, – мило улыбается она и жестом зовёт за собой. Она ведёт меня к угловому столику, за которым никто не сидит. Показывает мне розетку рядом с подлокотником кожаного кресла и уходит, больше ничего не сказав.

Я усаживаюсь и с трудом подавляю восторженный визг. Как же афигенно посидеть в нормальном кресле, а не в автомобильном! Покопавшись в рюкзаке, достаю зарядку и подключаю её к телефону. Придётся подождать ещё минут пять, прежде чем смогу его включить.

За это время ко мне никто так и не подходит, даже меню не предлагает. Вот это сервис, конечно. Хотя мне на руку. Раз тут никого ничего не волнует, достаю из рюкзака термос и оставшиеся бутерброды. Пить хочется нестерпимо, сушняк меня мучит уже несколько часов, поэтому я взахлёб выпиваю половину термоса горячего чая. Напившись, я приступаю к бутербродам.

Наконец включается телефон. На часах к моему удивлению уже полдесятого. Неужели я так долго болтался по городу? Чтобы не тратить время зря, сразу захожу в навигатор

и ищу ближайший хостел.

Просидев ещё полчаса, чтобы телефон успел нормально подзарядиться, собираю вещи и сваливаю из кафешки. Никто из официантов на меня даже не обращает внимания. Интересно, а если бы я у них что-нибудь заказал, они бы меня остановили?

То ли на улице похолодало, то ли так кажется после уютной кафешки, но, выйдя наружу, я моментально промерзаю, в особенности правой ногой. Нужно поскорее найти этот чёртов хостел!

Ещё долго я брожу по улицам, то и дело поворачивая не туда и сбиваясь с маршрута. Я даже захожу в совершенно безлюдный район, в котором не светят фонари. Иду так целых десять минут, дрожа от холода и страха того, что из-за какого-нибудь угла выбежит маньяк, а меня никто не услышит. И искать меня никто не будет, потому что мама думает, что я с одноклассниками.

Так, прочь дурные мысли.

Я поднимаю голову и любуюсь небом. Небо как небо, конечно. Звёзды те же, что и у нас, ничего нового. Но я всё равно смотрю на них с неким воодушевлением.

Вернувшись к исходной точке, иду строго по навигатору. Вскоре дохожу до хостела, но... Я ипал: на дверях висит табличка с графиком работы – до 22:00. А сейчас уже двенадцатый час. Камон, с какого хрена у вас вообще есть график работы? Где должны ночевать запоздавшие бродяги?

Забиваю в Интернете другой хостел. Сразу проверяю – круглосуточный, но идти далеко. Пофиг, лишь бы где-нибудь устроиться.

Иду как можно быстрее, но ноги будто в киселе вязнут. И по дороге то и дело наступаю в огромные лужи, так что моя обувь уже на 90% состоит из воды.

Проходя мимо остановки, задумываюсь о том, чтобы прилечь прямо здесь. На самом деле, не так уж и холодно. Если ещё попить чайку перед сном, но вообще норм будет. Но не думаю, что к утру я проснусь здоровым. Может, меня вообще менты заберут.

Дохожу до зебры и стою на красном свете, а с противоположной стороны с бутылкой пива несётся в говно пьяный мужик. Хорошо хоть движение слабое – всего одна машина ехала, сразу остановилась. А мужик дорогу перебегает и подходит ко мне. От страха всё сжимается, но я быстро нащупываю в кармане ключи. Если что – использую вместо кастета.

– Пацан, сиги есть? – спрашивает он, изрыгая невыносимый запах перегара.

– Нет, – твёрдо отвечаю я.

– Ой, ля, какие все зожники, – нараспев кричит он и смывается дальше.

Дождавшись зелёного света, перехожу улицу подальше от алкаша. Время уже переваливает за полночь, а я всё ещё не могу понять, куда ведёт меня стрелочка на карте. Она приводит меня в какой-то двор, и я окончательно теряю ориен-

тацию. Брожу туда-сюда, пытаюсь найти хоть что-то похожее на хостел. И вот передо мной появляются порожки и дверь с табличкой «Открыто». Я дёргаю её, но она не поддаётся. И что за хрень?

Заглядываю внутрь. Свет горит, в прихожей куча обуви. И как туда попасть?

Дёргаю ещё раз и ещё. Звонка никакого нет, поэтому стучу, но никакого ответа. Может, у них с другой стороны вход есть?

Обхожу здание кругом, но ничего. В надежде на чудо опять дёргаю дверь, и она поддаётся. То ли я тупой, то ли её успели открыть.

Я прохожу мимо кучи обуви к стойке, за которой сидит девушка-регистратор. У неё работает маленький старый телек, но она не обращает на него внимания, разговаривая с людьми, сидящими рядом на стульях.

– Здравствуйте, – говорю.

– Ты заселиться? – резко спрашивает девушка. Не пойму, во всей Рязани такое грубое обслуживание, что ли?

– Ну, да.

– Давай паспорт.

Паспорт? Ёп... Нет, конечно, паспорт я взял на тот случай, если бы обратно мне пришлось ехать на автобусе, но... мне немножко стрёмно давать его этой бабе. Сейчас посмотрит, что мне только семнадцать, и выгонит взащей. Или ментов вызовет.

Но отступать я не хочу. С меня достаточно походов, хочется уже отдохнуть на нормальной кровати.

Достаю паспорт из внутреннего кармана рюкзака и протягиваю ей. Даже не взглянув на него, она суёт его под ксерокс, из которого вылезают несколько копий моей рожи. И зачем ей нужны копии?

– Заполни пока, – говорит она и протягивает мне бланки и несколько ручек. – Выбирай сам, я не знаю, какая из них пишет.

Я перебираю ручки одну за другой, но все они либо пишут слишком бледно, либо просто царапают бумагу. Наконец нахожу с нормальными чернилами, пишу всё, что нужно, ставлю подпись и число.

– Когда собираешься выселиться? – спрашивает она, пристально проверяя бумаги.

– Ну, утром... часов в семь.

– Триста рублей, – требовательно говорит девушка, возвращая паспорт. Я протягиваю ей три смятые сотки, и она довольно убирает их под стойку. – Иди переобуйся пока. Обувь в прихожке оставь и тапки какие-нибудь найди.

Я возвращаюсь в прихожую, кое-как стягиваю набухшие от воды ботинки. Господи, воняет от них, как от плесени. Ставлю их поближе к батарее, может, за ночь немного просохнут.

Тапки, судя по всему, в дефиците. Большинство рваные или с протёртой подошвой. В итоге беру себе шлёпанцы на

два размера больше, отчего нога болтается и то и дело норочит выскользнуть.

Когда возвращаюсь к тётке, она уже стоит с комплектом постельного белья. Ведя меня по коридору, она показывает кухню и туалет с душем, а потом заходит в какую-то комнату. Недовольно осмотрев занятые кровати, проводит меня в другую.

– Ложись тут, что ли, – говорит она, показывая на второй этаж двухъярусной кровати, вручает мне комплект белья и уходит.

Здорово, и это всё? Даже куртку повесить некуда? Приходится вешать её на край кровати. Как бы ночью она не свалилась, а то ж по ней ещё пройдутся сто раз.

Я залезаю наверх, пытаюсь не разбудить спящего снизу соседа и начинаю безуспешные попытки застелить постель. У меня ничего никуда не влезает, и, взбесившись, я просто кладу наволочку сверх подушки. Надеюсь, никаких вшей не подцеплю.

Более-менее устроившись, иду скорее в туалет. Облегчиться спустя столько времени терпения – кайф высшей степени. Пока далеко не ушёл, снимаю носки и выжимаю из них воду в унитаз. Как я и ожидал – промокли они насквозь. И воняют похлеще обуви. Их бы постирать, да сил уже нет, поэтому плетусь к кровати.

С местом мне в принципе повезло: розетка прямо у головы. Правда, тут же лежат и ноги моего соседа по койке, но я

готов потерпеть. Разбираю рюкзак: мешок от бутеров прячу в щель между кроватями, допиваю чай до дна и достаю зубную щётку с пастой, но сил идти в душ у меня не остаётся. Кое-как сложив всё обратно, вешаю рюкзак поверх куртки, ставлю телефон на зарядку и, раздевшись, залезаю под одеяло.

В темноте слышно, как один из соседей смачно храпит, а другой задротит за ноутбуком – хоть и в наушниках, но крики недовольных напарников всё равно слышно. Я ещё несколько минут ворочаюсь с бока на бок, потом достаю наушники и быстро засыпаю под «Город, которого нет», поставленный на репит.

Рязань: 2 июня, утро

Просыпаюсь посреди ночи от дикого кашля одного из многочисленных соседей. Он чуть ли не задыхается, а то и захлёбывается мокротой. От этих звуков у меня самого начинается першить в горле, поэтому, напялив только футболку и спрыгнув с кровати, скорее пытаюсь исчезнуть в туалетной кабинке. Телефон я взять, конечно же, не додумался, поэтому, просидев минут пять, приходится выйти. Однако возвращаться не хочется – сон сняло как рукой. Ну, не терять же время зря. Пойду душ приму, что ли.

Душевая кабинка оказывается жутко неудобная – метр на метр, так что не развернуться, и вешалка для одежды прямо на двери. Не, было бы нормально, если бы кабинку отделяла какая-нибудь шторка или типа того, а так ведь все брызги полетят на одежду. Ну, что поделать, беру от жизни, что дают.

В кабинке нет ни мыла, ни шампуня, ни мочалки (хотя последним я вряд ли захотел бы пользоваться в общественном месте), поэтому приходится просто ополоснуться. Я включаю воду погорячее, чтобы утром не проснуться в соплях и с кашлем, как у того мужика, и стою так где-то около получаса, размышляя о том, как я до этого докатился и что буду делать дальше. Когда мысли переключаются на Аню, я выключаю воду, смахиваю с себя капли воды (полотенца же тоже нет)

и, одевшись, выхожу в коридор.

Желание идти в кровать так и не появилось, а вот ночной жор объявился тут как тут. Я иду на кухню и, к своему удивлению, застаю двух людей: молодую девушку, сидящую за одним из общих компов и мужика восточной внешности, сидящего за ноутом и попивающего то ли чай, то ли кофе. Так, а мне как такую роскошь приготовить? Я бы и за компом щас позалипал бы с удовольствием, но начну, пожалуй, с малого.

В углу стоит полупустой холодильник. Большинство продуктов сложены в контейнеры или мешочки, некоторые из них даже подписаны. Видимо, тут лежит жрачка только тех, кто её сюда и положил, общака нет. Может, стырить чьё-то яичко? Всего-то одно. Может, его владелец даже не заметит пропажи, а меня оно спасёт от голода. Хотя... если бы у меня пропала хотя бы хлебная крошка, я бы устроил целый допрос всем проживающим. К тому же яйцо может принадлежать этим двум. Ну, одному из них. Так что палиться не стоит.

Рядом с холодильником стоит электрический чайник. На удивление – полный, а главное уже с кипячённой водой. Теперь бы только чай найти. Надеюсь, хоть он-то не собственный?

В верхних шкафчиках нахожу дешёвого вида чайную пачку и вытягиваю оттуда один пакетик. Там же нахожу кружку, в которой и завариваю чай. На вкус... не самое приятное, что я пил. Сахар бы спас, да вот где его найти?

Держа в руках чашку обжигающего чая, совершаю обход по кухне. Пристально изучаю все объявления и картины, висящие на стенах, обхожу столы с компьютерами, на которых лежат листки с надписью: «Для получения пароля обратитесь к администратору». Ага, щас обращаюсь, она заставит меня ещё сотку сверху платить.

Пока я так болтаюсь, на меня уже находит сон. Допив чай, я промываю кружку в засранном какими-то остатками еды умывальнике и возвращаюсь в кровать. На часах четыре утра. Или ночи, как посмотреть. Спать мне осталось всего пару часов. Есть ли смысл ложиться? Может, уже стоит отправиться в путь? Медленным шагом дойду до конца города, а там как раз появятся водители, спешащие на работу.

Интересно, а вот эти вот все люди, которые спят здесь... что их сюда занесло? Может, кого-то выгнала жена. А у кого-то сгорел дом. Может, кто-то как и я путешествует авто-стопом? Если так, то дальше мы могли бы поехать вместе. Но разве я решусь у кого-нибудь спросить?

Засыпаю я довольно быстро и в шесть часов вскакиваю, как огурчик. Большинство ещё спят, а я достаю зубную щётку с пастой и чешу к умывальнику.

– Доброе утро, – улыбается мне навстречу какая-то бабёха.

– Доброе, – немного фальшиво от неожиданности отвечаю я. Другие постояльцы кажутся мне жутко неприятными типами, а эта прямо светится оптимизмом.

За одним умывальником стоит ещё одна тётка (очень странно, потому что в моей комнате никаких женщин вообще не было, но, походу, они спали отдельно), в другом... в другом, прямо на всю раковину, размазана харча. Третий и четвёртый свободны, и я пристраиваюсь к самому последнему, чтобы не смотреть на то, чего видеть как бы и не хочется, но глаза всё равно тянутся.

Быстро приведя зубы в порядок, возвращаюсь к себе. Только залезши в рюкзак, вспоминаю о термосе. Выходит, не было смысла ночью искать чай на кухне. Хотя... так бы мой чай быстрее кончился. Да он и кончился в принципе, поэтому нужно его наполнить.

Иду с термосом на кухню и давлюсь запахом еды. Кто-то жарит так желанную мной яичницу, да ещё и с сосисками. Эх, был бы дома, сделал бы так же.

Пытаясь особо не нюхать, наливаю кипяток из чайника в термос. Думаю, заварки там оставалось нормально, чтобы не превратиться в безвкусную воду.

Я надеваю чистые носки, запихнув старые (так до конца и невысохшие) в боковой отдел рюкзака, одеваюсь и иду в прихожую.

– Так, ты уходишь? – спрашивает администратор.

– Ага. От меня больше ничего не нужно?

– Не, всё.

Свою обувь нахожу не сразу – ночью её, походу, кто-то решил подвинуть, в итоге они так и не просохли. Обуваясь, я

прям чувствую, как от них сразу промокает нога. Эх, только носки чистые засрал.

На улице иду по памяти к тому светофору, где встретил пьяного мужика. Прохожих нет вообще, будто город абсолютно пустой. Хотя понятное дело, что в такую рань нормальные люди ещё спят.

Ещё какое-то время брожу по городу, окутанному туманом, а затем вбиваю в навигаторе маршрут до Мурома. Судя по всему, выход из города находится в сорока минутах отсюда. Обычно для меня такое расстояние – раз плюнуть, но после вчерашнего ноги до сих пор ломит, и я даже подумываю о том, чтобы начать ловить машину прямо сейчас. Хотя вряд ли кто-то, кроме таксистов, будет останавливаться.

С утра Рязань кажется совершенно другим городом. Фонари и вывески, ярко светящиеся в сумерках, уже погасли, и теперь город кажется непривлекательным. Но вот я иду дальше и вижу всё больше и больше старинных домов. Большинство из них полуразрушены: окна выбиты, а бревенчатые стены так и норовят рассыпаться в труху.

При свете дня я теперь хотя бы вижу лужи – они занимают практически все дороги, и обойти их почти невозможно. Я думал, что Рязань намного лучше Тулы, но дороги тут похлеще, чем в Богородицке.

Я снова и снова сбиваюсь с маршрута, путаясь в картах и сворачивая не на те улицы. Проходя мимо вокзала, я уже думаю о том, чтобы сесть на автобус и вернуться в Богородицк.

Или хотя бы до Тулы. Но только не дальше. Я больше не хочу никуда ехать. Мне надоело это шатание. Я хочу нормально поесть, лечь в нормальную кровать и посмотреть какой-нибудь фильм. Господи, как же я хочу домой.

Всё, решено. Дальше я не поеду. В навигаторе я строю маршрут до Богородицка, и иду в обратную сторону. Нет, идея с вокзалом, конечно, хорошая, но я не готов тратить столько денег. Помучаюсь ещё несколько часов, зато больше никогда в жизни никуда не поеду. С меня хватит.

Дорога назад кажется ещё запутаннее, будто этот чёртов навигатор хочет свести меня с ума. Легче узнавать дорогу у прохожих, только что я у них буду спрашивать? «Вы не знаете, где тут выезд на Кимовск?»

Пока я шатаюсь, уже проходит несколько часов, и от голода начинает сдавливать горло. Я и так оттягивал завтрак, как мог, пора бы и перекусить. На кафешку тратиться не хочется. Да и не люблю я то, что обычно бывает в менюшках. Поэтому я захожу в ближайший Фикспрайс и покупаю самые дешёвые вафли. И экономно, и выжить можно.

Чтобы перекусить, устраиваюсь на лавку за магазином. После длительного голодания дешёвые вафли кажутся самыми вкусными на свете. Я запиваю их чаем, который всё-таки утратил вчерашний вкус, но всё же остался годным.

Вскоре я оказываюсь на той улице, где впервые вчера вышел в люди. Значит, иду правильно.

Но через некоторое время знакомые магазинные вывески

кончаются, а людей становится всё меньше и меньше. Когда передо мной появляется какой-то мост из железных прутьев, я лезу в карман за телефоном. Ну, зашибись. Оказывается, полчаса назад мне нужно было свернуть налево, а я пошёл прямо.

Отчаяние разрывает меня на части. Будь проклята эта Рязань, этот автостоп и эта Аня, которая меня на него подговорила. Я думал, что встретил самого лучшего человека в своей жизни, а она мне её испортила. Лучше бы мы вообще никогда не познакомились!

Я снова подумываю о вокзале, но... опять переться через весь город мне уже не хочется. Легче всё-таки доехать автостопом до Кимовска, а оттуда можно и на автобусе. Но сначала нужно передохнуть.

Неподалёку стоит огромный торговый центр «Барс». Некоторое время мне приходится ходить вокруг него, чтобы отыскать вход. Захожу внутрь, и радуюсь тому, что некоторое время смогу посмотреть на что-то более разнообразное, чем дома и улицы.

Я хожу по бутикам, рассматривая всякую фигню, и с огромным наслаждением катаюсь на эскалаторе. Ноги, правда, всё равно ноют, но хотя бы терпимо. Но все мысли об усталости пропадают, когда я захожу в книжный. Боже мой, такого огромного ассортимента я ни то, что в Туле, даже в Московском «Глобусе» не видел! Завороженный хожу меж стеллажей, изучая полки. Господи, тут столько книг, о кото-

рых я мечтал. Моя детская мечта купить книжный магазин разгорелась во всю мощь, как костёр, в который подкинули целую охапку дров. Жаль, что она такая же неосуществимая, как и встреча с Алиной...

Истерзав свою душу крутыми обложками, я всё же выхожу из магазина с пустыми руками. Быть может, я вернусь сюда, когда стану миллионером. Хотя... после всего пережитого вряд ли я захочу сюда возвращаться.

Обойдя все бутики, я пристраиваюсь на лавочке и принимаюсь за обед – всё те же вафли с подобием чая. Вообще вафли довольно-таки сытные, поэтому, наевшись, я оставляю ещё полпачки на остаток дня. Времени ведь только два часа.

Да не только, а уже! Ёшкин кот, о чём я вообще думаю? Если я немедленно кого-нибудь не поймаю, то мне, как вчера, придётся шляться по ночной трассе два часа.

Я быстро собираюсь и выхожу на улицу. На этот раз поворот не пропускаю. Вообще не понимаю, как я мог его не заметить. Теперь дорога полностью знакома. Через какое-то время до меня доносятся устрашающие звуки тех огромных труб, напоминающие мой протестующий желудок.

Я всё иду-иду, а город будто и не заканчивается. Вроде бы и трасса, а всё равно дома по обеим сторонам и люди ходят. Вот же ж чёрт...

Передо мной появляется перекрёсток. Светофоры только для водителей, зебры тоже нет. А с правой стороны стоит ма-

шина ДПС. И что мне делать? Перебегать дорогу в надежде на то, что они меня не заметят? Что за писец...

Ещё какое-то время я в нерешительности топчусь на месте и, собрав всю силу в ноги, перебегаю дорогу, пока никого не видно. Перебегаю и бегу как можно быстрее за автобусную остановку. Сердце долбит по рёбрам, бока болят. Пытаюсь отдышаться через рот, но от холодного ветра дерёт глотку. Зато под курткой жарко, как в бане.

Успокоившись, я выхожу из-за остановки. Гаишники за мной походу не погнались, но стопить рядом с ними желания нет.

Я иду ещё дальше, и только когда остановка кажется размером с мизинец, вытягиваю руку.

Свою удачу я, видимо, просрал ещё вчера, потому что при таком мощном автомобильном потоке никто даже и не думает останавливаться. Мне кажется, если я брошусь кому-нибудь под колёса, все будут просто проезжать прямо по мне.

Наконец-то останавливается какая-то развалюха. Я сразу залезаю в салон и только потом спрашиваю:

– Подбросите?

Мужик за рулём не очень приятный. Похож на какого-то деревенского алкаша. Рядом с ним сидит широкого формата бабёха.

– Мы до Михайлова, а тебе куда?

Опять этот Михайлов. Такое ощущение, что судьба так и хочет меня туда затащить.

– Ну, вообще мне до Кимовска.

– Это в сторону Тулы, что ли?

– Ну... вроде, да.

По дороге машина трясётся так, будто вот-вот рассыплется, и под это укачивание я незаметно засыпаю. Просыпаюсь, когда мужик начинает что-то спрашивать.

– Мм? Чё? – переспрашиваю я, пытаюсь разлепить глаза.

– Мы ща уже подъезжаем, – сообщает мужик. – Тебя до самого Михайлова довезти?

– Не, вы меня на повороте выбросьте, а там я другую машину поймаю.

– Как хочешь.

Пока он едет дальше, я успеваю ещё немного подремать. Просыпаюсь, когда машина уже останавливается.

– Спасибо, – не очень благодарным тоном бросаю я, вылезая наружу.

На улице уже слегка темнеет. Смотрю на часы – шесть вечера. Охрененно, и где я столько времени проспал? Ладно, если поспешу, то успею.

Вывожу в навигаторе маршрут и, не сдерживаясь, отчаянно ору вслух. Этот дебил пропустил мой поворот! Мне теперь придётся пешком идти по кольцевой. Ну, восхитительно!

Я бегу. Бегу, не жалея ног и жалея время. Когда мимо меня проезжают машины (особенно огромная фура), моя большая фантазия начинает воображать, что она вот-вот наедет

на меня. Где-то на середине кольца я выдыхаюсь. Не думал, что оно на самом деле такое огромное.

Наконец-то я оказываюсь на трассе. Огромная вывеска указывает в две стороны: в Тулу и Михайлов. И как этот идиот мог не понять, где именно меня нужно высаживать?

Шоссе по-настоящему огромное, в несколько полос. Идти по такому дико стрёмно. Чувствую себя никчёмным муравьишкой. От греха подальше прижимаюсь к самой обочине и начинаю стопить. Машин уже очень мало, и едут они, как назло, на дальних полосах. Может, они меня вообще не видят?

Я иду уже очень долго, но водители меня упрямо игнорят. Набравшись наглости, я лезу на соседние полосы, стою чуть ли не на середине дороги, лишь бы заметили, но всё без толку. Даже решаюсь поднимать руку перед дальнобойщиками, которых до сего момента опасался, но и они делают вид, что меня тут нет. Может, я умер, а они не видят моей бестелесной души? Хотя не, некоторые индивидуумы сигналият мне, будто какому-то кретину. Хотя так и есть.

Михайлов: 2 июня, вечер

Я не знаю, сколько иду – телефон опять разрядился, но, кажется, проходит уже больше часа. Вскоре снова натыкаюсь на знак с указателем в сторону Тулы и Михайлова. Получается, я сейчас от одного въезда в Михайлов прошёл к другому? Замечательно. А до Тулы ещё пилить и пилить. Походу я туда пешком дойду.

Машин совсем не стало, как не стало и фонарей. Я иду по абсолютно непроглядной дороге, едва видя ноги. Нет, больше сил моих нет. Лучше всё-таки в Михайлове переночую.

Перехожу на другую сторону и иду назад. Обратный путь кажется ещё длиннее, а, дойдя до поворота, понимаю, что ещё несколько километров придётся чесать до самого города. Или что это вообще такое?

Первые дома показываются ой как нескоро. В некоторых из них горит свет. Я заглядываю в окна и размышляю о том, чтобы договориться с кем-нибудь на ночлег. Нет, стучаться в двери и просить впустить на ночь в дом – вряд ли хорошая идея. Но, может, получится разжалобить кого-нибудь из прохожих? Думаю, вид у меня сейчас достаточно жалкий.

Но, когда мимо меня проходят какие-то мужики, я, конечно же, не решаюсь. Отговариваю себя тем, что мужики точно не поведутся. Потом встречаю молодую пару, и отговариваю тем же. Потом – двух старушек. Пройдя мимо них, по-

нимаю, что тщетно пытаюсь обмануть сам себя. Если я даже в магазинах боюсь обратиться к продавцу, то на это никогда в жизни не решусь.

Меня спасает небольшой магазинчик, пристроившийся у дороги. Зайдя внутрь, начинаю изучать полки и холодильники с продуктами. Эх, щас бы пельмешки жаренные, а не вот это всё.

– Что-то хотели? – спрашивает продавщица.

– Извините, – неуверенно говорю я, не в силах подобрать нормальный вопрос. – У меня немного странный вопрос... Это Михайлов?

– Ну... да, – немного смутившись, отвечает она.

– Хорошо, – вздыхаю я. Хоть куда-то, но я всё-таки пришёл. – А это город, или село, или что вообще?

– Село, – как-то взволнованно тянет продавщица, но затем резко вздёргивает голову: – Ой, город!

– Так село или город? – спрашиваю я, слегка усмехнувшись, чтобы хоть как-то разогнать мрачную атмосферу.

– Город-город.

По лицу её вижу, что она тоже хочет у меня что-то спросить, но не может отважиться. Тогда я продолжаю:

– А не знаете, в городе есть какие-нибудь гостиницы или hostels? Ну, или кафешки круглосуточные хотя бы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.